

Убрать преграды на пути изобретателя!

Богатейшей сокровищницей новаторской мысли можно назвать государственный реестр изобретений патентного отдела Комитета стандартов, мер и измерительных приборов при Совете Министров СССР. Этот реестр непрерывно пополняется запятыми новых изобретений. Бережно и тщательно учитывать государство все то, что помогает совершенствовать нашу технику и производство. Перелистывая страницы реестра, узнаешь и о новых способах добычи угля, и о коренных усовершенствованиях в конструировании машин, и о новом способе получения тонкого листа непосредственно из жидкого чугуна, и о многом другом, полезном народу.

Большие и малые предложения, внесенные в сокровищницу науки и техники, свидетельствуют не только о хозяйском отношении советских людей к нуждам своей страны, но и являются доказательством огромного роста культурно-технического уровня и зрелости рабочих, инженеров, техников.

3 350 тысяч изобретений и рационализаторских предложений внедрено в нашу промышленность, транспорт и строительство за 1949—1953 годы! Только за 1954 год получили патенты в жизнь в этих областях народного хозяйства более 900 тысяч изобретений, технических усовершенствований и рационализаторских предложений.

Выдающиеся открытия делают людей нашей страны, где наука поставлена на службу человеку, где она является силой созидательной, а не разрушительной, как это имеет место в странах капиталистических. Тысячи новаторов выдвигают смелые идеи при решении научных и технических проблем. Изобретения и коренные усовершенствования методов работы основаны на глубоком изучении последних достижений передовой науки и техники. Наши изобретатели и рационализаторы идут совершенно новыми, смелыми путями. Они не только ускоряют процессы работы, но и порой в корне меняют технологию всего производства, сокращая пути производственных процессов, исключая некоторые из них или заменяя их более совершенными.

XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза поставил задачу: «Поднять массовое движение изобретателей и рационализаторов из инженеров, техников, рабочих и колхозников за дальнейшее техническое совершенствование и расширение производства, за всестороннюю механизацию, облегчение и дальнейшее оздоровление условий труда».

Эта задача — огромной важности. Решить ее можно только при условии заботливого и бережного отношения к инициативе новаторов со стороны руководящих работников предприятий, научных учреждений, министерств. И нельзя признать правильной практикой тех руководителей, которые заботу об изобретателях и рационализаторах целиком передавали работникам отделов, секторов и бюро по рационализации и изобретательству. А ведь известно, что бесконтрольность многих бюро, отсутствие живой связи их с общественностью приводят к тому, что они теряют интерес к новизне, погружаются в бесплодную канцелярскую переписку, становятся своеобразными барьерами, сдерживающими творческую мысль. Как известно, для рассмотрения изобретения установлен четырехмесячный срок. Однако эта начальная стадия работы с изобретателем в ряде министерств полагает уйму времени — тянется годами. В 1954 году было внесено в государственный реестр только 7,5 процента заявок, поступивших в том же году, 27 процентов заявок, находящихся на рассмотрении от одного до двух лет, и 64 процента заявок, поданных изобретателями два, три, четыре года назад. Эти цифры вскрывают ту бюрократическую нивелирующую, которая оупыряет живое дело.

При определении новизны того или иного предложения некоторые работники бюро изобретательств, да и их руководители занимают странную позицию. Вместо того, чтобы направить свои усилия на выявление и поддержку нового, они озабочены поисками формальных мотивов для отклонения предложенных изобретателя. Не признавать новизну спокойнее, чем признать и потом бороться за ее осуществление! Такое отношение к творчеству новаторов можно проиллюстрировать, к сожалению, многими примерами.

Вот один из них. В 1952 году инженер П. Овчинников предложил новую конструкцию и новый способ производства спиральных сверл с каналами для охлаждающих жидкостей. В авторской заявке были указаны преимущества этих сверл: они более устойчивы, могут работать на повышенных режимах, и на изготовление их не надо затрачивать стали высоких марок. Как же было встречено это предложение? Работники Министерства стали стеснительной и инструментальной промышленности и научно-исследовательского института (НИИМС) длительные месяцы старались доказать отсутствие в изобретенной новизне и полезности. Они трижды отказывали автору в выдаче авторского свидетельства. И даже после того, как всесторонние испытания опытных сверл доказали, что стойкость их выше стойкости стандартных сверл в 2,5 раз, работники министерства продолжали и продолжают опираться на это предложение и не дают на него авторского свидетельства. Дело дошло кое-где до того, что вообще предпочитают «не возиться» с изобретателями и с изобретениями.

Министерство бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР в прошлом году, например, не представило на регистрацию ни одного изобретения, а Министерство лесной промышленности СССР упустило представить всего лишь два изобретения.

Но бывает иначе: предложения принимаются в более или менее нормальные сроки, а потом годами ими никто не интересуется, в производство их не внедряют. Чего, например, стоит «активность» Министерства промышленности строительных материалов СССР? В 1954 году им было представлено на регистрацию более ста предложений, а внедрено в производство за первые шесть месяцев только три. Министерство нефтяной промышленности представило на регистрацию 160, а внедрило за тот же период всего 7 предложений.

Пять лет тому назад инженер В. Ионов предложил Министерству станкостроительной и инструментальной промышленности конструкцию ротационно-протяжного автомата для обработки граней головок болтов и других деталей. Этот автомат производительнее фрезерных станков в четыре раза! Важность изобретения неоспорима. Однако Техническое управление министерства не проявило интереса к предложению конструктора и самоустранилось от участия в производственных испытаниях.

Может быть, это редкий случай в практике министерства? Нет, не редкий. Безразличное отношение к судьбам изобретений и рационализаторских предложений подтверждается короткой, но убедительной справкой: это министерство, по данным государственного реестра, за первую половину прошлого года внедрило всего лишь... три изобретения.

В 1950 году сотрудники Научно-исследовательского автомобильного и автомоторного института Ю. Шабалин, А. Анискин, Г. Терзибашян и Н. Коротченко получили авторское свидетельство на паровый автомобиль, работающий на дровах. Созданный ими для этой цели двигатель может быть широко использован в нашем народном хозяйстве, особенно в лесных районах Сибири, Урала, Севера. Он позволил бы создать паровые дрезины, тепловые козловые электростанции, энергетические установки для глубоких сельскохозяйственных предприятий, мелких речных судов и т. д. Однако решения различных комиссий, проводивших испытания автомобиля и рекомендовавших Министерству автомобильного, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения осуществить выпуск серии таких автомобилей, не реализованы и поныне.

Бюрократические заслоны на путях новаторов производства должны быть решительно сломаны. В этом заинтересованы прежде всего руководители министерств, призванные повседневно контролировать и направлять работу ВРИЗов, лично подерживать творческую инициативу новаторов производства. Министр и его заместители отвечают за технический прогресс в тех областях народного хозяйства, которыми они руководят, и каждый изобретатель, рационализатор, новатор для них — первый и надежный помощник в этом важном государственном деле. Его помощь — творческая, его слово — новое, никем еще не сказанное, и, само собой разумеется, встречать его нужно чутко и вдумчиво, создавать вокруг него заботливую, благотворную, творческую обстановку.

Назрела также необходимость пересмотреть некоторые статьи «Положения об изобретениях и технических усовершенствованиях». Например, статья 30 этого Положения трактуется многими министерствами так: если автор, прежде чем подать заявку, проверил свое предложение в промышленности, в связи с чем оно стало известным широкому кругу лиц, то он лишается права получения авторского свидетельства. На этом основании Министерством транспортного машиностроения в 1954 году отказано в выдаче авторского свидетельства П. Сулову на «Лобовой вращающийся пролет мартеновской печи». Все дело в том, что заявку о выдаче авторского свидетельства тов. Сулов поддал через год после введения его изобретения в промышленность. Такая казустика ущемляет интересы многих авторов! Разумно ли это в условиях советской действительности, когда все новое и прогрессивное немедленно подхватывается общественностью и становится достоянием многих, независимо от того — оформлена ли эта новизна, как заявка, или не оформлена. А ведь, согласно на эту статью, министерства нередко лишают авторского права как раз тех изобретателей, чьи предложения оказались особенно жизненными и необходимыми.

Интересы государства обязывают нашу общественность решительно усилить внимание к плодотворному и патристическому делу изобретателя, убрать все заслоны на его пути, создать самые благоприятные условия для осуществления их новаторских замыслов.

Богата и разнообразна жизнь советских людей. На первом снимке — народный писатель Латвия Андрей Упит. В эти дни он работает над исследованием о социальном реализме. На втором снимке — А. Домашин и В. Лисенко на занятиях в школе киноаппаратуры города Свердловска. На третьем снимке —

какор Николай Рытвына получает в отделении связи бухты Провиденсия свежие газеты и журналы. Он доставит чукчам и эскимосам ожидаемую мосуаю. Четвертый снимок — на цементах в Русско-Полянском районе Омской области. Фальшер Р. Димов зашла проверить здоровье шестимесячного новоселья — Мили Харченко. Мария Дмитриевна доверяла своим сыном. На последнем снимке — студентка МГУ Ирина Доржова и Дина Гадкина в дни зимних каникул выехали на лыжную прогулку в Измайловский парк культуры и отдыха.

имени Сталина. Вместе с ними гостящий в Москве студент Ленинградского горного института Леонид Гаринин.

Фото В. Левова, А. Угалина, В. Барышова, В. Липовского и В. Пушкина.

ЛИТЕРАТОР

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 13 (3358)

Суббота, 29 января 1955 г.

Цена 40 коп.

ПИСАТЕЛИ ОБСУЖДАЮТ РЕШЕНИЯ ВТОРОГО СЪЕЗДА

ПОВЫСИТЬ МАСТЕРСТВО!

ТБИЛИСИ. (Наш корр.). 25—26 января в Тбилиси состоялся второй пленум правления ССР Грузии. Пленум открыл секретарь правления ССР Грузии С. Чилая. С докладом об итогах Второго всесоюзного съезда советских писателей и задачах грузинских литераторов выступил первый секретарь правления Союза писателей Грузии И. Абашидзе.

Второй всесоюзный съезд писателей, — сказал докладчик, — продемонстрировал серьезные достижения советской литературы, самой передовой литературы в мире. Приветствие ЦК КПСС съезду, воспринятое всеми писателями как боевая программа дальнейшего подъема советской литературы, на долгие годы определило пути и задачи нашей работы. Докладчик отметил, что за послесовенный период грузинские писатели не сумели в должной мере отобразить новые явления в жизни и труде народа.

И. Абашидзе рассказал о планах работы Союза писателей Грузии. Единственный литературно-художественный журнал «Мтаоби» недостаточен для сильной выросшей писательской организации республики. Сейчас поставлен вопрос о выходе русского литературного журнала в Тбилиси. Необходимо также восстановить выходящий до Великой Отечественной войны журнал молодых грузинских писателей «Наше поколение».

Выступавшие в прениях отметили, что доклад далеко не исчерпал всех серьезных и наиболее важных вопросов жизни грузинской писательской организации.

Так, нельзя было обойти в докладе оставание драматургии и слабую работу ведущих театров республики. Драматург И. Вакели говорил, что иногда и театры преграждают путь хорошим пьесам. Тбилисские театры имени Руставели и имени Марджанишвили в большинстве случаев ставят пьесы, уже испытанные другими театрами, чрезмерно увлекаются постановкой пьес иностранных авторов.

На выступление И. Вакели откликнулся драматург М. Мрвалишвили, С. Авачян и Г. Бердзенишвили, народный артист республики Ш. Гамбашидзе.

О недостатках в издательской работе рассказал пленуму директор Госиздата Грузии Г. Мервалядзе. Он отметил, что издательства работают в отрыве от писательской организации. Издательские планы составляются за закрытыми дверями, без широкого обсуждения их.

Критик Б. Жентги говорил о том, что писатели Грузии за последние годы ослабили творческую работу. Б. Жентги заявил далее, что следует проявлять больше заботы о писателях, регулярно обсуждать их новые произведения. Б. Жентги выразил обиду на критику, содержащуюся на страницах «Литературной газеты» в отчете о IV съезде писателей Грузии. По мнению оратора, грузинский съезд прошел не хуже других республиканских съездов, хотя Б. Жентги и не был ни на одном из них. Недовольство отчетом высказал и поэт К. Каладзе.

В прениях приняли также участие писатели Г. Табидзе, А. Велишвили, К. Гамсахурдия, А. Гомиашвили, С. Зули, Э. Фейли, К. Бобохидзе, Р. Коркия, С. Шерава, В. Цулукидзе и другие.

В заключительном слове И. Абашидзе ответил на вопросы, возникшие в ходе пленума. Он указал на то, что некоторые товарищи безосновательно отрицают серьезные успехи грузинской литературы.

В эти дни прогрессивное человечество мира отмечает 2400 лет со дня рождения Аристофана. В СССР неоднократно издавались переводы его комедий, они ставились на сценах наших театров. Советское литературоведение проработало большую работу по изучению комедийного театра Аристофана.

Вчера в Концертном зале имени П. И. Чайковского, в Москве, состоялся вечер, организованный Советским Комитетом защиты мира, Союзом писателей СССР, Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей и Академией наук СССР.

— Советская общественность высоко ценит творчество великого сына древней Эллады, сумевшего еще на заре цивилизации осознать бессмысленность войны и заклеймить ее в своих комедиях, — сказал, открывая вечер, С. Герасимов.

Вечер закончил доклад С. Соболевского.

специиально приглашенными «литредакторами» и «литприватниками». Он указал на неправомерное, пренебрежительное отношение к приключенческой литературе. О формальном подходе издательских работников к писательским рукописям говорил А. Решетов.

Работе комиссии по критике и теории литературы было посвящено выступление Д. Молдавского. Влияние этой комиссии крайне незначительно, в стороне от нее до сих пор находится большая группа литераторов и критиков, работников Института русской литературы, выпускников и аспирантов университета и педагогических вузов города.

В приветствии Центрального Комитета КПСС съезду очень четко определен интернациональный дух нашей литературы. Это делает особенно ответственной работу переводчиков и критиков, занимающихся творчеством зарубежных писателей. Но, как указал А. Дымшиц, правление и секретариат Ленинградского отделения до самого последнего времени уделяли мало внимания этому важному вопросу. Он внес предложение организовать встречу переводчиков с редакторами журналов «Дружба народов» и «Иностранная литература». Больше внимания и места должны уделять переводам и редакции местных журналов и альманахов.

В прениях выступили также М. Левитин, Г. Матвеев, Г. Мирошниченко.

О КРИТИКЕ И ТВОРЧЕСТВЕ МОЛОДЫХ

СТАЛИНО. (Наш корр.). Прошедшее на днях собрание донецких литераторов было посвящено обсуждению итогов Второго всесоюзного съезда писателей. К сожалению, собрание Ф. Волевого не удовлетворило собравшихся. Вместо того, чтобы сделать доклад об основных проблемах, которые обсуждал съезд, он поделился лишь своими отрывочными впечатлениями о пребывании в Москве.

В прениях критик А. Ключа, не называя фамилий, укорял местных поэтов в зазнайстве, говорил о недостатке у писателей «чувства долга», равнодушии их к работе друг друга. Оратор критиковал писателей за их нежелание печатать свои произведения в областных газетах.

Поэт В. Шугов сетовал по поводу отставания литературной критики в Донбассе, отсутствия в областных газетах обстоятельных, глубоких статей о творчестве местных писателей. В. Шугов высказал желание, чтобы в ближайшее время в Сталино было проведено совещание критиков и литераторов.

На недостатках литературной критики остановился и В. Пронский.

— Кое у кого, — сказал он, — вошло в привычку не критиковать произведения, а навешивать на них ярлычки. Если же писатель пытается защитить свою книгу, ему говорят: «А, ты не любишь критику!»

Поэт В. Мухин критиковал правление Союза писателей Украины и Союза писателей СССР за недостаточное внимание к областным писательским организациям. Он отметил, что редколлегии альманаха «Литературный Донбасс» не ведут достаточной работы с авторами, подбирает «из скорую руку» материалы для каждой очередной книги.

Выступавшие указывали, что писательская организация ослабила работу с начинающими авторами. Рукописи их подолгу лежат без движения, с авторами никто не беседует, не консультирует их.

50-летие К. Джантошева

Общественность гор. Фрунзе отметила 50-летие киргизского драматурга Касымалы Джантошева. На вечер, посвященном чествованию драматурга, с докладом выступил писатель Т. Абдумомунов.

Историческая драма К. Джантошева «Курамбек», повествующая о судьбах киргизского народа, уже около двадцати лет с успехом идет в театрах республики. Одно из лучших его произведений, написанных за последние годы, — роман «Пламенная молодежь». В нем рассказывается о трудовых буднях киргизских юношей и девушек, осваивающих целинные земли.

Президиум Верховного Совета Киргизской ССР в связи с 50-летием К. Джантошева наградил его Почетной грамотой.

ЛИТЕРАТОР

Международные отклики

Снова лгут маклеры на Нью-Йоркской бирже. Круто пополнил сверхакции авиационных и других военнопромышленных компаний. Что же является причиной радостного оживления на Уолл-стрит? Событие, происшедшее 25 января в стенах Капитолия. В этот день палата представителей американского конгресса приняла резолюцию, разрешающую президенту США использовать вооруженные силы для «обеспечения безопасности» Тайваня и островов Пэнхулуо. Это решение, как и все действия США в районе Тайваня, являющегося неотъемлемой частью национальной китайской территории, представляет собой грубое вмешательство во внутренние дела Китая. Это акты агрессии в отношении Китайской Народной Республики.

В связи с твердо выраженным намерением другого народа освободить Тайвань и другие китайские территории, Вашингтон предпринял новые попытки помешать осуществлению этого законного права Китайской Народной Республики. В своем послании конгрессу, испрашивая санкцию на новые агрессивные акции против КНР, Эйзенхауэр уверял, что это будет иметь своим результатом... разрядку напряженности на Дальнем Востоке.

Однако ложность этих утверждений столь очевидна, что даже запальчивые пропагандисты оказались явно неспособными развить эту тему послания президента. По единственному признаку иностранной печати, резолюция палаты представителей упоминывает Эйзенхауэра «начать войну». Иному толкованию эта резолюция, разумеется, не поддается.

В связи с резолюцией палаты представителей атлантической печати подняла шумиху, цель которой — вызвать новый приступ военной истерии в США и запугать китайский народ. Это же цель преследует широкая военная демонстрация у побережья Китая, в водах Тайваньского пролива, организованная Пентагоном. Действия американского вооружения, нашедшие, в частности, поддержку со стороны правящих кругов Англии, ведут к усилению международной напряженности на Дальнем Востоке и грозят опасностью новой войны.

Пропаганда интервенции против китайского народа стала одной из главных тем малоброку в редакциях газет и журналов монополий. Особенно отличился в этой области редактор одного из самых воинственных органов американского империализма, журнала «Юнайтед Стейтс нью энд Ворлд рипорт», Дэвид Лоуренс. Лоуренс упоминает о «спроуде», которая была использована Соединенными Штатами в 1900 году, когда американские войска приняли участие в подавлении антиимпериалистического восстания китайского народа.

«В прошлом, — грустно и восхищенно вспоминает Лоуренс, — мы захватывали даже порты. В Китае мы и наши союзники высадили в 1900 году морскую пехоту...». В развитии своей «идеи» Лоуренс печатал в следующем номере своего журнала еще одну статью под названием «Американские войска вторгались в Китай». «История», — вещает Лоуренс, — знает больше 140 случаев, когда американские войска вторгались в другие страны, чтобы защитить американские жизни и американские интересы, — без объяснения войны».

«Защита американских жизней», «оборона», «спасение мира и цивилизации», — это тот сладкий соус, без которого трубадуры американского империализма не решаются предостеречь общественности ни одного блада. Главным, чем хотел соблазнить своих читателей Д. Лоуренс, были иллюстрированные статьи фотографий более чем полувековой давности: пенкиная стена с развевающимися на ней американским флагом, американская морская пехота, штурмующая ворота Пекина, и другие. На тот случай, если и фотографии покажутся недостоверными читателю, Лоуренс предоставляет им предельно ясным комментарием: в 1900 году, подтверждает он от имени сторонников «теоретической полтики в отношении красного Китая», «США имели 65-тысячную армию, и они оказались готовы послать в Китай 15 тысяч солдат...». В настоящее время США имеют под ружьем 3 миллиона человек...». Кажется, ясно?

Ясно, но глупо! Как тут не вспомнить японскую поговорку: «Колодезные лягушки не знают об океане». Мистер Лоуренс дальше своей чернильной лужи ничего не видит. Ему предательски изменяет память. Ему не мешает вспомнить, что произошло в 1946—1949 гг. Китайский народ только что вышел из пятнадцатилетней битвы с японским империализмом. Его страна была истерзанна оккупантами и гоминдановскими хищниками. Она была разорена и истощена. И что же? Чем окончилась интервенция американских вооруженных сил, активно выступивших в поддержку феодальной реакции? Американскому лакею Чан Кайши пришлось спустить свой флаг в Нанкине, а над Пекином — китайской столицей — развеваются ныне не звездно-полосатый флаг американского империализма, а красный флаг с пятью золотыми звездами — флаг Китайской Народной Республики.

Американские войска вторгались не только в Китай. Они вторгались и в Корю. Козева мистера Лоуренса расчленили использовать Корею, как заднюю дверь в Китай? Они вступили в эту преступную и кровавую интервенцию войска 15 государств. Корейский народ и пришедший ему на помощь народ Китая разгромили захватчиков.

Насколько полезнее было бы лоуренсам и прочим болтушкам американской «наступательной политики» в отношении КНР почаще вспоминать не о делах давно минувших дней, а о весьма поучительных событиях совсем недавнего прошлого!

ЛИТЕРАТОР

Богата и разнообразна жизнь советских людей. На первом снимке — народный писатель Латвия Андрей Упит. В эти дни он работает над исследованием о социальном реализме. На втором снимке — А. Домашин и В. Лисенко на занятиях в школе киноаппаратуры города Свердловска. На третьем снимке —

какор Николай Рытвына получает в отделении связи бухты Провиденсия свежие газеты и журналы. Он доставит чукчам и эскимосам ожидаемую мосуаю. Четвертый снимок — на цементах в Русско-Полянском районе Омской области. Фальшер Р. Димов зашла проверить здоровье шестимесячного новоселья — Мили Харченко. Мария Дмитриевна доверяла своим сыном. На последнем снимке — студентка МГУ Ирина Доржова и Дина Гадкина в дни зимних каникул выехали на лыжную прогулку в Измайловский парк культуры и отдыха.

имени Сталина. Вместе с ними гостящий в Москве студент Ленинградского горного института Леонид Гаринин.

Фото В. Левова, А. Угалина, В. Барышова, В. Липовского и В. Пушкина.

Отара Григория Гринько

К. ЕРЫМОВСКИЙ

Аникин и Сергеев обсуждали колхозные дела. Недавно Сергеев избрал председателем колхоза имени Маленкова Лесовского района. Много забот легло на его плечи.

— В минувшем году стихия крепко покосила нас, — новый председатель говорил горячо, внушительно. — На зимних пастбищах пало много колхозных овец. Результат? Недобор тонкорунной шерсти. На счету колхоза — считанные рубли. А нам нужны миллионы. И ждать мы не можем.

— Это известно, — истерически перебил Аникин. — Директор Величаевской машино-тракторной станции особенно близко к сердцу принял все, что касалось жизни артезианской обсерватории. Он только колхоза имени Маленкова. — Вообще, все хозяйство поднимать надо.

— В чем выход? — Сергеев, как человек решительных действий, сразу предлагал решения. — Наша местность когда-то славилась виноградниками, садами. Спросите народ, что творилось на левобережье Кумы... Вот чем надо заняться!

В это время в комнату вошел зоотехник Стасенко.

— Без специальных механизмов дело с садами не пойдет. Обдумать надо, сколько и какой техники потребуется просить в крае... — возразил Аникин.

— Будем сады сажать. Я разослал запросы в питомники. Четыре артезианских проблем. Гусей разведем, — Сергеев явно хотело, чтобы Стасенко его поддержал.

— Сады? Кто откажется от такой красоты... Но я думаю, в колхозе должно быть основное, главное направление хозяйства и соподчиненные, — видимо, Стасенко не впервые высказывал свою мысль и, повторяя ее, несколько раздражался.

— Главное у нас сложилось давно — овцеводство. Шерсть слава — и на счету в банке густо станет. Больше меринсов надо разводить! Мы же на границе с Черными землями живем... — Овец у нас двадцать семь тысяч осталось. А надо тысяч шестьдесят.

— Будет и шестьдесят. Наши чабаны — потомственные мастера. Работы не стораются. А между тем мы о них думаем мало. Жалуются: откубыakov нет... — Сергеев не отклонялся от своих предложений, да и возражать зоотехнику трудно было.

— Преду по зимовкам, — сказал Сергеев. — Сам увижу, чего есть, чего нет... Аникин уже побывал в степи. Станция существует первый год, она не в менее трудном положении, чем колхоз. У нее трудности становления: мастерской еще нет, сенокосилки и комбайны зимуют под открытым небом, для рабочих не хватает жилищ... Но много и сделано: нахосено достаточно сена, есть артезианский колодец, устанавливается пилорама. Станция будет колхозу крепкой опорой.

— На чабанах колхоз держится, — Стасенко, как видно, сел на любимого конька. Обратившись к мне, зоотехник воздушно-неприятно произнес: — Есть у нас природный мастер — овцевод Григорий Павлович Гринько. Всем чабанам чабан. Заурат. Немало ягнят сверх плана получил. Их, не владею я пером!

— Говорят, вы пишете книгу... — То в ином роде. Зоотехника. А следовало бы написать о людях, которые нас одевают. Все лучшие материи — из тонкой шерсти. А пока чабан снимет с овцы свою «курочку» — шерсть, много ему придется потрудиться... Да что говорить! Побывайте у Гринько, — настоятельно твердил Стасенко. — Ехать недалеко, километров двадцать с гаком...

...В свете фар выступил довольно просторный дом. К автомобилю стремглав метнулась собака крупных собак, — жалкая из них могла бы спалить волка. Распахнувшись дверь, из дома вышел рослый юноша и привычным, властным окриком отогнал собак.

— Гринько? К пастбищу пошел. Отару встречает... Нобес, скоро и дома будет... В прихожей нас крепко обдало горячим паром — здесь готовили корм собакам. Зато на «счастливой половине» дома, действительно, было чисто и уютно. Русская печь, кровати, стол с книгами и газетами, на стенах — гирлянды цветных открыток и фотографий. Юноша лет двадцати двух, энергичный, молодежавший, в добротной теплой одежде, попытался надеться радиоприемник. Долго слышались надежные широкие трески.

— Опять кто-то крутил, — недовольно произнес он. — Чудной приемник! В седьмом и ночью поет, разговаривает, а здесь от него слова не добьешься... Говорил он серьезно, а улыбка не сходя с округлого, простодушного лица.

Вскоре за дверью послышался говор, вслед затем с фонарем вошел человек, пока еще не видный, скрытый клубящимся паром. Он сбросил полушубок, шапку, крупно шагнул на середину комнаты и тогда стал вполне виден — высокий, подтянутый, лет сорока шести — сорока семи, с вечным степным загаром, темными глазами и слезящимися от пота волос и пытливыми, искривившимися, добрыми глазами.

— Ого, да у нас гости. Будьте здоровеньки! Добро пожаловать! Мы будто и не видели вас, а вы уже здесь. Сразу заговорил он общительно, весело.

Есть люди, с которыми легко жить, работать, обдумывать серьезные дела и просто беседовать. Так они ясны, определены в своих интересах, стремлениях, так целенаправленны. Чувствовалось, что Гринько, человек труда, многое испытывавший на своем веку, принадлежит к той завидной людской породе.

— Задержались мы нынче с отарой. Тепло, можно допозна пастбище. Если бы было луночно, то и сейчас ни за что не ушел бы отару с пастбища. Овца любит простор. Чего ей на базу да в конiare стоять... — Вы, наверное, знаете не меньше: есть газеты, радио.

— Кстати, Василий, — обратился Гринько к юноше, — ты бы радио покрутил. — Его уж покрутили без меня, — невозмутимо отозвался юноша. — Молчит. Як сто бабок пошестили над ним... — Приемник наш собственный. И жаловаться не на кого. Гринько повел бровями в сторону Василия. — Первый помощник. Но степи, как ветер, носится. Второй сын, Михаил, на два года моложе — значит, вторая рука. Григорий совсем зелен — третья рука. Сююсти пошли по отцовской дорожке. И я сам связался с чабану. В своем колхозе передовые.

Гринько явно гордился сыновьями. Любопытным взглядом он проследил за Василием, который, потихоньку покружив, выискивал несправности в радиоприемнике. За окнами слышались молодые голоса — два младших сына расплачивая отару на ночьку.

— У меня в отаре пятьсот сорок тонкорунных овец, — стал рассказывать Гринько. — Их пастби надо, беречь. А главное всего — ползувать. Отару я принял в тридцать четвертом году. Как раз к тому времени прошел все чабанские должности. Тогда и Стасенко к нам приехал. Став учит чабанов. Он и сейчас нас учит, только осязательно закончилась учеба. И на зимовки часто навещается. А у чабана еще своя наука: та дается годами, опытом. Каждую овцу знаешь. Переучаются отары дух чабанов, так они их в момент разберут без ошибки. И как не угадать свою отару? Появились ягнтя — ходишь за ними, дежурщишь, подкармливаешь, наблюдаешь, как они учатся пить из корыта или соль-лизунец лизать. Шерсть на овце всегда растет; глядишь, слезнет овца — глаза заросли. Подстрижешь. На ногах вместо копыт — башмаки, тяжелые наросты образуются — сбиваешь их ножом. Забрета овца — сам лезешь. Нише думают: у чабана простое дело — пастби и пастби овец. Пастби, чтобы шерсть побольше получить. С нашей овцы шерсть идет тонкая, чистая. А как это дается? Забот не оберешься. Пастбище развиваешь на участках, поочередно, чтобы всегда свежий корм был. Там, где дней пять не попаслись, уже трава вырастает. Особенно житник (мы его «кубанкой» называем) быстро растет по сырой земле. Все время держишь овец на подложном корму. Даже в гололеду я пускаю отару на простор: пусть разбавляет дедок, находит себе корм. Какую бы ни был подложный корм, он лучше сена. Многие чабаны бояться гололедов, чуть что — загоняют овец в конiare. А в конiare только шерсть прет, загрязняется.

Вы видели мое изобретение? У кошары и база строю «отводы» — камышовые изгороди. Когда выжило, двойные «отводы» ставлю до еще снежный вал нагораживаю. Никакая поземка не занесет конiare, и овцы будут цели. Если бы все чабаны так делали, не потерял бы наш колхоз таких убытков в прошлом году.

Ночью спишь одним глазом. Собака исправные — из одного гнезда; волк ли подойдет или еще что — сразу учует, подымут тревогу. А больше наешься на себя. Ночь ли, полночь ли, дома не уйдешь: погреешься, покуришь и снова к отаре. Как солдат на посту.

— А быкает — теряются овцы? — спросил я Гринько. — Быкает, — неохотно ответил он. — Одно у нас таких случаев не случается! Это никак невозможно, — категорически подтвердил Василий, решившийся прервать отца.

— И я говорю, — продолжал Гринько. — Все делаем по смежалке. В этом все сила... Эх, нам бы переименовать истривано, побольше шерсти сдать... Колхоз поднимать надо! В позарифом году я получил с каждой овцы по шесть килограммов весомост грамм шерсти. В прошлом году поменьше — стихия и нас задела. Ниче дедо лучше. Думаю, получим и ягнток сверх плана, и шерсти килограммом по шесть с лишком.

— По шесть сембост мы обещались, — добавил Василий. — А что ж, дадим и по шесть сембост, мы и больше давали. Не знаю, как другие, а про себя скажу: чем больше сработал, тем лучше себя чувствую.

Гринько помолчал. Случая чабана, я подумал, что он по-своему выразил ту же мысль, которая волновала Стасенко: о главном чувстве, порождаемом творческим трудом на общее благо.

А Гринько уже совсем будничным тоном спрашивал: — Не слышали, новый председатель к нам не собирается? — Обещал быть.

— У нас к нему есть вопросы... Живем на отшибе. Правление забывает, что чабаны создают колхозу богатство.

...Возвращаясь с зимних пастбищ, с богатых кормами Черных земель, я вспоминаю встречи с чабанами, зоотехниками, заводчиками фермами. Вспоминаю и о том, как председатель колхоза Сергеев ищет путей повышения доходности своей артели и, по сути дела, не замечает главного пути — того, что подкачивает отары, развивающие наше перспективное отечественное тонкорунное овцеводство.

СТАВРОПОЛЬ

овцу? Появились ягнтя — ходишь за ними, дежурщишь, подкармливаешь, наблюдаешь, как они учатся пить из корыта или соль-лизунец лизать. Шерсть на овце всегда растет; глядишь, слезнет овца — глаза заросли. Подстрижешь. На ногах вместо копыт — башмаки, тяжелые наросты образуются — сбиваешь их ножом. Забрета овца — сам лезешь. Нише думают: у чабана простое дело — пастби и пастби овец. Пастби, чтобы шерсть побольше получить. С нашей овцы шерсть идет тонкая, чистая. А как это дается? Забот не оберешься. Пастбище развиваешь на участках, поочередно, чтобы всегда свежий корм был. Там, где дней пять не попаслись, уже трава вырастает. Особенно житник (мы его «кубанкой» называем) быстро растет по сырой земле. Все время держишь овец на подложном корму. Даже в гололеду я пускаю отару на простор: пусть разбавляет дедок, находит себе корм. Какую бы ни был подложный корм, он лучше сена. Многие чабаны бояться гололедов, чуть что — загоняют овец в конiare. А в конiare только шерсть прет, загрязняется.

Вы видели мое изобретение? У кошары и база строю «отводы» — камышовые изгороди. Когда выжило, двойные «отводы» ставлю до еще снежный вал нагораживаю. Никакая поземка не занесет конiare, и овцы будут цели. Если бы все чабаны так делали, не потерял бы наш колхоз таких убытков в прошлом году.

Ночью спишь одним глазом. Собака исправные — из одного гнезда; волк ли подойдет или еще что — сразу учует, подымут тревогу. А больше наешься на себя. Ночь ли, полночь ли, дома не уйдешь: погреешься, покуришь и снова к отаре. Как солдат на посту.

— А быкает — теряются овцы? — спросил я Гринько. — Быкает, — неохотно ответил он. — Одно у нас таких случаев не случается! Это никак невозможно, — категорически подтвердил Василий, решившийся прервать отца.

— И я говорю, — продолжал Гринько. — Все делаем по смежалке. В этом все сила... Эх, нам бы переименовать истривано, побольше шерсти сдать... Колхоз поднимать надо! В позарифом году я получил с каждой овцы по шесть килограммов весомост грамм шерсти. В прошлом году поменьше — стихия и нас задела. Ниче дедо лучше. Думаю, получим и ягнток сверх плана, и шерсти килограммом по шесть с лишком.

— По шесть сембост мы обещались, — добавил Василий. — А что ж, дадим и по шесть сембост, мы и больше давали. Не знаю, как другие, а про себя скажу: чем больше сработал, тем лучше себя чувствую.

Гринько помолчал. Случая чабана, я подумал, что он по-своему выразил ту же мысль, которая волновала Стасенко: о главном чувстве, порождаемом творческим трудом на общее благо.

А Гринько уже совсем будничным тоном спрашивал: — Не слышали, новый председатель к нам не собирается? — Обещал быть.

— У нас к нему есть вопросы... Живем на отшибе. Правление забывает, что чабаны создают колхозу богатство.

В сельхозартели «Падомью Латвия» Рижского района Латвии завершена радиодиффузия домов колхозников. Из колхозного радиопункта ежедневно транслируются передачи центрального и местного вещания. На снимке: зоотехник колхоза А. Берзиньш выступает по радио с беседой для животноводов. Фото Е. Ясенова

Нужны ли «карликовые» типографии?

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Известно, что во многих городах по праву с основной типографией, печатающей городскую газету, существуют и мелкие ведомственные типографии: железнодорожников, строителей, водников и даже отдельных предприятий, издающих свои многотиражные газеты.

Городская типография обычно неплохо оборудована и может обеспечить печатание всех местных газет. В некоторых областных городах «карликовые» ведомственные типографии уже закрыты, перенесены в центр, и от этого никто не пострадал. Местные многотиражные газеты печатаются в центральных типографиях города и стали выглядеть значительно лучше, чем раньше.

Ведомственные типографии убыточны. И это понятно. Оборудование их не загружено, велики расходы по содержанию управленческого аппарата. В любой такой, даже самой крохотной типографии, где работают два-три наборщика и один печатник, есть еще и штат служащих.

Для иллюстрации приведу пример. Город Печора — не областной, а всего лишь районный центр. Но и в этом городе издаются четыре газеты, у каждой — своя типография и в каждой типографии — управленческий аппарат, равный числу занятых рабочих.

Целесообразность ликвидации мелких типографий не вызывает сомнения. Но при решении этого вопроса приходится сталкиваться с узковедомственным подходом к делу. В Печоре, например, предложение создать на базе четырех мелких типографий одну, хорошо оборудованную встречается «с штыками». Управление парохотства желает сохранить свою типографию, строят также районная газета — тем более...

Пример с Печорой, как нам кажется, типичен для многих городов нашей страны. Сейчас, когда со всей остротой стоит вопрос о сокращении и удешевлении нашего управленческого аппарата, наряду с необходимостью заняться «карликовыми» типографиями. Решение этого вопроса сулит немалую экономию народных средств.

С. ЛЬВОВ, редактор газеты «Речник Печоры»

г. ПЕЧОРА

ЧЕКАННЫЙ СТИХ

Бекмурза был уже глубоким стариком, когда мы, начинающие писатели, попросили его рассказать о том, как он начал создавать свои песни.

— Мои поэзию родили любовь и ненависть. Да, ненависть к тем, кто встал против чистых и пламенных чувств юности, против настоящей любви.

И мы ушли в историю его любви. Бекмурза и Бабух поклонили друг друга в верности. Но сын карахака — черного народа, простой крестьянский парень, осмелившийся полюбить дочь дворянина, подвергся жестокому преследованиям.

С этого началась борьба Пачева за правду, за свое человеческое достоинство, за свои права. «С тех пор с неправдой вел я кровный спор», — пишет он в своей поэме «Как Бекмурза собрался жениться» (1882 г.) — обличительное повествование о нравах и быте тогдашнего кабардинского общества.

Чтобы перенести эту поэму на бумагу, Бекмурза, поэт народа, не имевшего в то время письменности, создал собственный алфавит и пользовался им до конца жизни. И хотя этот алфавит стал известен только односельчанам Бекмурзы, все же он весьма интересен, как одна из первых попыток кабардинского народа создать свою письменность.

В творчестве Пачева соединились оба начала кабардинской литературы — письменное и устное. Поэт разрывал и совершенствовал народное творчество.

По мотивам народного творчества Бекмурза создал оригинальную драматическую поэму «За кого ты выйдешь замуж», став таким образом одним из создателей кабардинской драматургии.

Уже в ранней своей поэме «Как Бекмурза собрался жениться» Пачев зарекомендовал себя подлинным художником, умеющим делать широкие социальные обобщения, строить острый сюжет, четко рисовать характеры, глубоко проникать в душевный мир героя. И в дальнейшем Бекмурза совершенствовал свое мастерство, чеканным, отполированным (кабардинское слово «чекан» — означает отполированное, отделанное мастерски) своим стихом.

Заслуга Бекмурзы Пачева состоит в том, что он внес в литературу и в устное творчество Кабарды новые темы, новые реалистические приемы изображения. В кабардинском фольклоре широко были представлены исторические и героические песни, эпос, проза иррационального и приключенческого характера и гораздо меньше было произведений на конкретные темы о человеке, о народе в целом, о его правах и нуждах. Пачев прямо и открыто говорит о праве человека на счастье и свободу, о нуждах и чаяниях народа, призывает угнетенных к борьбе против угнетателей.

Следует изложить традиции народной поэзии, Пачев говорит о событиях, имеющих место в жизни. Но событие для него всегда — отправная точка для широкого обобщения. Так, например, в произведении «Песнь об Алихане Каширгове» (1912 г.) поэт пишет:

Джигиты и старцы глядите, дивитесь: Крестьянин вступил в поединок, как князь... Столетия робость внушила нам зятья... На князя боялись мы руку поднять... Он разом покочил с величием князьем.

О подвиге этого потомка расскажем.

В стихотворении «Золка» (1913 г.), посвященном знаменитому воителю кабардинских крестьян на Зольских пастбищах, Пачев говорит о вооруженном столкновении между помещиками и крестьянами, о царедворце, помогшем князьям своими войсками и артиллерией. Примечательно, что разгром восстания не вызывает уныния у поэта:

И мы отстояли Золку свою, Что нас, как злобу, встречал...

Князей не прогнали, — но их конюх Мы положили начало!

Сын крепостного крестьянина, в молодости затравленный дикими обычаями, инстинктивный инстинкт и сбитый похотом к революции выступает со стихотворением «Заряжайте ружья!». Поэт предупреждает, что по доброй воле господ не растанутся с властью, и призывает: «Заряжайте же ружья, расправляйтесь с князьями!».

Творчество Пачева особенно расцвело после Октябрьской революции. Это понятие. Он, не знавший счастливого детства, радостной молодости и обесцененной жизни в зрелом возрасте, посветивший всю свою жизнь, все свое творчество борьбе за счастье народа, естественно, стал певцом новой, советской Кабарды. Ведь это было золотое утро счастья для тысячелетиями угнетенного кабардинского народа, страстно рвавшегося к новой жизни, к культуре.

В стихотворении «Рождение жизни» Пачев писал:

Ночь озарила невиданным солнцем! Сморщилась — не верши: земля обновилась! Жизнь, о которой мечтали веками, Только теперь на земле появилась!

Бекмурза хорошо знал, что эту долгожданную новую жизнь создали великая Коммунистическая партия и русский революционный рабочий класс.

Во многих своих произведениях поэт проникновенно говорил о дружбе народов. В поэме «Мое слово о Москве» Пачев воспевает русский революционный рабочий класс, русских революционеров, которые «жили жедали новой и дышали времени свежего», отважно говорили верное и правдивое слово, думали о грядущем.

Бекмурза Пачев плодотворно воспитал социалистическое строительство в Кабарде. Этой величественной теме он посвятил чудесные стихи и песни, поэму «Кабарда». Когда в селениях появились автомашины, он сразу же написал стихи о «машинах, приносящих счастье-добро». Стихотворения «Закон», «Труд», «Колхоз», «Баксан» и другие прославили колхозную жизнь. Общественно его «Здравия!» — памятный гимн колхозной жизни:

Письм будет наш урожай обильным И лето солнечное — в полах! Пусть государством, большим и сильным, Всегда мы будем, врагам на страх!

В Советской стране росло и совершенствовалось мастерство славного поэта. Он был автором первой народной поэмы, перенесенной на бумагу мозаичными руками простого крестьянина, родоначальником современной кабардинской поэзии — и он же стал певцом Советской Кабарды. Бекмурза Пачев, столетие со дня рождения которого недавно отметили кабардинская общественность, был олицетворением духа и чаяний своего народа. В его творчестве, как в зеркале, отразилась жизнь Кабарды почти за целое столетие.

Пачев оставил огромное литературное наследие. К 1940 году было расшифровано (напомним, что Бекмурза пользовался собственным алфавитом) более 14 тысяч его стихотворных строк. Но в период оккупации Налчыка в 1942 году фашисты сожгли архив поэта вместе с другими фондами Кабардинского научно-исследовательского института.

Кабардинское литературоведение только начало изучать жизнь и творчество Пачева. Надо продолжать это изучение; надо собирать бытующие в народе стихи и песни Пачева, отыскивать материалы и документы о его жизни и деятельности.

Сборник стихотворений Пачева, изданный на русском языке в 1950 году, стал уже библиографической редкостью, а некоторые произведения, включенные в него, переведены очень плохо. Поэтому крайне необходимо новое и более полное издание произведений Пачева на русском языке.

Хачим ТЕУНОВ

О честности в науке

Высокий смуглый человек, с лисовым лбом, грузноватый, с красивыми, быстро ослепляющими вас и притупляющими глаза, входит в комнату и с изумлением останавливается на пороге. В маленьком редакционном кабинете сидят другой посетитель, — человек, борьба с которым отдал долгие годы. Он борется с ним денно и нощно. Он следит за каждым его шагом. Он внушал себе и другим, что святой обязанностью каждого честного гражданина является уничтожение его врага, по крайней мере морально, если не физически. Он изучал его труды и доказывал, что это долгие труды. Он выступал на бесчисленных заседаниях, громил своего противника в рецензиях, правда, не появлялись в печати, но не терявший от этого своего значения. Борьба была жестокая, с наступательными и отступательными, с обходными маневрами, с засадами и фланговыми ударами, — борьба, которая заставила его преждевременно постареть, лишила уверенность в себе, отняла лучшие годы.

И что же? Противник жив и энергично действует в науке, и поле битвы — верный ли газетам? — остался за ним.

Вот он сидит в кресле, положив ногу на ногу, и лицо его, большое умятое лицо много видевшего и много пережившего человека, спокойное. Возможно, что он чувствует глубокое отвращение к этому спору, но внешне, утомительно, как повторяющийся сон. Но он слишком вежлив, чтобы открыто показать свое чувство.

Кто же эти люди? В чем существо спора? Почему решились мы занять их вниманием читателей «Литературной газеты»?

В 1932 году профессор МГУ Л. Зенкевич предложил именовить фауну Каспийского моря. Эта мысль, необычайно смелая, казавшаяся, на первый взгляд, почти фантастической, была основана на многолетних исследованиях донных животных. Ученый предложил перебраться из Азовского моря в Каспийское живую корм, которым питаются рыбы.

Хорошо, если бы в науке все происходило, как в сказке: «Сказано — сделано». Но в науке от «сказано» до «сделано» — долгий путь. В течение семи лет, с 1932 по 1939 год, велась предварительная работа. Какие из бесчисленных живот-

ных, обитающих в мировом океане, может служить кормом для рыб? Способно ли оно жить на Каспии? Каковы соли-

ность может переносить и т. д. и т. п. В суровом состоянии победил кольчатый червь «нерис», — мы просим читателя запомнить это название. Именно он и был перенесен в Каспий, — по видимому, своевременно, потому что запасы кормовой фауны на Каспии катастрофически падали.

Итак, нерис получил полную возможность жить и размножаться в Каспийском море. А потом... Потом началась война, и проблема донных кормов оказалась далеко не самой важной среди вопросов, которые пришлось решать Советской стране. Но вот окончилась война... Да нет, еще и не окончилась, потому что это произошло 13 октября 1944 года. Один из сотрудников ВНИРО (Всесоюзного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии) вскрыл остерев, пойманных на Каспии, и, к своему изумлению, обнаружил в желудках рыб кольчатых червей — неожиданная и радостная находка! Ученые вернулись с отложенной работе. Командная экспедиция — тридцать научных сотрудников и лаборантов под руководством профессора И. Бирштейна — на восьми судах в течение двенадцати дней исследовала весь северный Каспий. Было установлено, что к 1948 году нерис обитал на площади в 24 тысячи квадратных километров; запасы кольчатого червя превышали миллион центнеров; он стал основной пищей острера и других промысловых рыб.

Итоги большого труда группы ученых под руководством Л. Зенкевича были выданы Министерством рыбной промышленности СССР на совмещении Сталинской премии. И с этого дня началась совсем другая история — не менее, а может быть, и более поразительная, чем история перенесения кольчатого червя. Акклиматизацией нериса заинтересовался вдруг профессор Н. Лебедев, которого мы представляли читателю в начале статьи...

Кто же такой Лебедев?

Один из многочисленных учеников профессора Зенкевича, он занялся до войны проблемами хода хамса чероза Коричневый пролив. Практика не подтвердила его предвзятых идей. Тем не менее он пы-

тался положить их в основу своей докторской диссертации, вызвавшей серьезные возражения. С наиболее резкой критикой, отменяя это обстоятельство, выступил профессор Зенкевич.

В 1947 году студент Вязов, кончая биофак МГУ, написал под руководством Лебедева дипломную работу. Руководившись с ним, другие преподаватели университета научили студента в фальсификации, подкасовке фактов. Вязов признался, что действительно подогнал факты под гипотезу своего шефа, но что следовало его же советам. Тогда Лебедев назвал Вязова клеветником и полностью отверг возражения его обвинения. Через несколько дней студент Вязов покинул жизнь самоубийством. О чем думал перед смертью этот человек? Как случилось, что под его же советами, которые удержали бы его от малахольного шага? Кто знает!

Комиссия, разбиравшая это дело, признала необходимым изгнать Лебедева из университета. Одновременно ему пришлось покинуть ВНИРО, где его работа была признана теоретически ошибочной, а практически бесплодной. Положение Лебедева было тогда, надо думать, весьма незавидным. Но жизнь, как это бывает иногда, сделала крутой поворот, и провалявшийся ученый, человек сомнительной репутации, вдруг оказался «хозяйном положением».

Люди, подобные Лебедеву, обычно стараются приобрести доверие. Новый декан биологического факультета МГУ И. Презент, который некогда пребывал в этой должности, не оставил по себе долгу и недобрую память, неожиданно взял развенчанного профессора под защиту. И тогда труд Зенкевича и его группы был передан из Комитета по Сталинским премиям на отзыв лично Лебедеву.

Так снова скрестились пути этих двух людей, и нетрудно представить себе те чувства, с которыми писал свою рецензию Лебедев. Здесь все сошлось — зависть, злоба, жажда мести и полная уверенность в том, что удар попадет в цель, и торжество неудачника, и злоба невежды. Отзыв был столь отрицательным, что биосекция Комитета по Сталинским премиям решительно отклонила работу Зенкевича и его группы.

Как же решил профессор Лебедев изгнать беззачем черным? Для того, чтобы пойти против проверенных и неопровержимых данных, нужна была смелость, — откуда у него эта смелость?

За сумми протекторскими данными, которые мы, не приукрашивая, изложили

выше, встает картина жизни, история отношений, встает фигура, над психологическим значением которой должны серьезно задуматься люди советской науки...

В конце концов, самый факт научного спора много было бы только приветствовать. Один ученый выдвинул теорию, другой ее оспаривает — идет дискуссия, все обстоит благополучно. Свободный обмен мнениями — непременное условие развития науки.

Но спор рознь. Профессор Зенкевич и его студенты Г. Беляев, Я. Бирштейн, Е. Бокора, А. Карпович, Н. Спаский, И. Жва, Е. Мозельская никогда не делали секрета из своих открытий, за эти два десятилетия опубликовано множество статей и сообщений. Широко обнародована методика перенесения нериса, имеются данные положительных отзывов, и нет в печати ни одного отрицательного выступления против. Научная продукция профессора Лебедева заключается, главным образом, во внутренних рецензиях, культурных разговорах, распусках слухов. Это уже неэтично: что же это за дискуссия, если один из оппонентов говорит полным голосом, а другой наметывает на ухо свои возражения? И что это за возражения, которые надо скрывать?

В любом произведении личность автора отражается со всеми его интимными чертами. Мыเสมอ можем сказать, что среди немногих научных произведений Н. Лебедева его рецензия в Комитет по Сталинским премиям должна занять первое место. Когда Министерство рыбной промышленности СССР потребовало этот документ, оказалось, что на одной странице Лебедев признает достоверность научного факта, а на следующей, по торопливости или по невниманию, ставит его под сомнение. Оказалось, что он совмещает географические карты разных масштабов, а таким образом, как известно, можно доказать все, что угодно. Оказалось, что одному автору он принищает то, чего у него нет, другому — искажает, третьего — сознательно извращает. Все было построено на правды, на фальсификации, на подкасовке.

Однако этого оказалось недостаточно, чтобы бросить тон на бесспорное, очевидное достижение науки.

Летом 1949 года на Каспий выехала новая экспедиция ВНИРО. Уже в двенадцать дней, а три месяца производились работы — опровергнуть взгляд оказалось сложнее, чем сделать открытие в науке. Этого малю, Лебедев потребовал, чтобы на Каспий была послана параллельная экспедиция под его же, Лебедева, руководством. И сумели суда, отпустили большие средства,

предоставили возможность явную фальсификацию превратить в некое подобие науки.

В ДОБРЫЙ ЧАС!

Заметки об одной пьесе

Раздумывая о нашем искусстве драмы, мы часто с беспокойством оглядываемся вокруг, — что-то нет и нет ничего нового, ибо не всякая пьеса, впервые поставленная на сцене, есть новая пьеса. Понятие новизны в искусстве, не говоря уже о «новом слове», — понятие емкое, содержательное и многообещающее. Как в науке, так и в искусстве под этим понятием скрывается какое-то открытие. И таких пьес, которые бы открывали нечто новое для нас, мы долгое время не видали.

Но вот сегодня явились живая пьеса и такой спектакль, и мне радостно сделать это объявление предисловие и назвать пьесу драматурга В. Розова и спектакль Центрального детского театра «В добрый час!» выдающимся событием в жизни нашего сценического искусства.

В этой пьесе и в этом спектакле перед зрителем предстает живая, неотразимая современность. Когда смотришь спектакль, то все время радуешься тому, как автор, а вместе с ним и актеры сумели передать эту бездну жизненности, жизненности, схваченной во множестве точных черт, жизненности, дорогой нам, потому что она до конца правдива и, значит, поучительна. Слово это обычно отглаголивает нас от книг и пьес, как отглаголивало во все времена и эпохи читателей и зрителей. Поучительно — часто значит скучно. Но в пьесе «В добрый час!» нет ни одного ролевого места, и в спектакле нет ни одной скучной минуты. И если пьеса эта поучительна и педагогична и педагогично всякое глубокое, умное, сильное художественное произведение.

Мне бы не хотелось портить это произведение так называемым «кратким изложением» его содержания. При этом надо заметить, что сюжеты настоящих драматических произведений, в отличие от всяких подделок, хотя бы и ярких, всегда незатейливы. Вообще, традиция русской драматургии, созданная А. Н. Островским, которая проходит ведущей линией через пьесы Горького, Чехова, вплоть до Тренева, эта традиция — все в жизненности содержания, в типизации сцен и лиц, освещенных мыслью автора, его взглядом на современную ему жизнь, его идеями.

Молодой советский автор верно следует этой традиции и раскрывает перед нами жизнь интеллигентной советской семьи в тот трудный и тревожный момент, когда одному из молодых членов этой семьи надо избрать верную в будущее — поступить в какой-то вуз, пометить какому-то профессору. Центральным лицом пьесы, таким образом, оказывается Андрей Аверин, сын советского ученого-географа Аверина, который в своей юности бежал из дому в поисковую партию, потом прошел трудный путь и, очень тонко, без навязчивости, идет по пьесе как пример для его детей. В семье Аверинских живет и другой сын — Аркадий, уже начавший свою трудовую биографию актёра в одном из столичных театров и зачисленный братом, друзьями и знакомыми в студенты.

Пьеса молодая, полная неожиданностей, во многом комическая своими положениями и диалогом, но одновременно освещенная взглядом автора на жизнь современного молодого поколения, взглядом, который состоит в том, что нет ничего труднее в жизни молодежи, как определить и начать свою биографию.

Для сюжета педагогически искусственного было бы рискованно центральным героем пьесы ставить в положение неудачника, которые не попали в вузы. Да, представьте себе, пьеса из жизни нашей молодежи не кончается громким весельем. Финал идет в слезах любящей матери, от которой уезжает невеста куда-то в Иркутск, на Ангару, в тайгу — ее бесценный, обожаемый сын Андрей, а слово сказать, любящую сына Андрей тоже развивается несладко... И как бы мы, зрители, хорошо ни понимали, что молодой человек в том и другом случае ошибается, мы уже не можем с улыбкой следить за развитием этих ошибок. Театр играет драму, пусть драму молодости, мнимую, но все равно мучительную. В тот момент, когда Аркадий пришел после провала, решил порвать с театром, а ему пришла проститься Маша, та самая, с которой он уже расстался две недели тому назад.

Сцену разрыва на театре тысячи. Но только оттого, что автор, постановщик и актеры (А. Елисеев и Г. Печников) взяли образцом для этой сцены настоящую и присущую нашему времени правду жизни, она, эта сцена, восхитает повизной открыти.

Маша возвращает Аркадию дорогие ей вещи — письма его и поздравки, которые он дарил ей в день рождения, в день восьмого марта... И то, что не забыл автором восьмого марта, и как почти скорострельно сказано о нем, — эта мимолетная деталь вызывает сцену ввысь, делая ее родной моему сердцу.

Но горе автору, если он знает жизнь

Нельзя забыть и не сказать ни слова о Кате и Анастасии, в особенности о последней, но театральному миру традиционных провинциальных и ролей эпизодических. Об образе Анастасии, приехавшей вместе с Алексеем из Сибири «сдавать в вузы», можно писать отдельную новеллу, так он репник живописен. Конечно, тут актер Л. Дуров дал этому образу плоть и кровь бесконечно обаятельного, но с юным лицом знакомого и всегда милого парня.

Возьму одну черту из этого чудесного характера. Анастасия горд и независим. Но как! По его словам, у него в Москве множество родственников, которые наперебой приглашают его жить у них, но мы прекрасно понимаем, что он поочередно отказывается от родственников у него нет.

Апологины раскатываются по театру, и почти всегда мне хотелось хлопнуть в ладоши от истинного удовольствия вместе со зрительным залом там именно, где поражала эта неотразимая верность жизненной правде, поданная умно, тонко, в нужном месте, как учили нас великие мастера драматургии.

Учит-то они учили, да не так просто следовать их примерам и урокам, тем более, если начинаешь сочинять новые и самодельные теории, вроде тех, по которым жизнь надо везти в лице исавальных героев, хотя бы и присочиненных. Нужен большой, чуткий, редкий талант, чтоб в испорченном легкой жизнью Андрее Аверине разгадать замечательные черты честного характера и создать сильный художественный образ положительного героя.

Он выписан, этот образ, кистью любовной и, значит, смелой, потому что любимые вещи трудно не пишутся, он создан всей гаммой красок, и он — живой, донельзя узнаваемый портрет... Эта пьеса, весь спектакль так насыщены своим «донельзя узнаваемым», что неподдельно радуют своей повизной, показывая, как мы истосковались по настоящей современности на сцене.

Пересказать это «донельзя узнаваемое» — значило бы пересказать всю пьесу от начала до конца, но, в чем сущность этого узнаваемого, сказать обязательно. Автор умеет выделывать из жизни ее характерности, акцентировать, главные аккорды, а то и ведущие лейтмотивы и передавать их с чеховской легкостью, предлагая зрителю узнать одно, личное и подумать о нем.

Слова, какими говорит наша молодежь, мир чувств и строй понятий, повсюду, это донельзя узнаваемо и вновь открыто мне здесь, на спектакле, в зрительном зале. Каким образом открыто, если узнаваемо? А таким образом, что отпущено, обложено, подято искусством, и я, не понимаящий или совсем не принимавший в жизни каких-то вещей у нашей молодежи, понимаю и принимаю их теперь.

О, как это важно — уметь объяснять жизнь, с тонким расчетом увлечь тебя за ее лучшими явлениями! Не значит ли это переложить нас? По-моему, да.

И не могу выделить какую-то сцену и сказать, что она запомнилась. Мне захотелось весь спектакль и все его участники, но для примера приведу одну сцену. — Аркадий — старший сын Аверинских — переживает мучительную пору своей молодости. Он уходит из театра, где шел на молодых ролях начинающего актёра. Уходит потому, что притворил какую-то большую роль и она не удалась... Значит, жизнь не удалась... Отношения с Машей тоже развиваются несладко... И как бы мы, зрители, хорошо ни понимали, что молодой человек в том и другом случае ошибается, мы уже не можем с улыбкой следить за развитием этих ошибок. Театр играет драму, пусть драму молодости, мнимую, но все равно мучительную. В тот момент, когда Аркадий пришел после провала, решил порвать с театром, а ему пришла проститься Маша, та самая, с которой он уже расстался две недели тому назад.

Сцену разрыва на театре тысячи. Но только оттого, что автор, постановщик и актеры (А. Елисеев и Г. Печников) взяли образцом для этой сцены настоящую и присущую нашему времени правду жизни, она, эта сцена, восхитает повизной открыти.

Маша возвращает Аркадию дорогие ей вещи — письма его и поздравки, которые он дарил ей в день рождения, в день восьмого марта... И то, что не забыл автором восьмого марта, и как почти скорострельно сказано о нем, — эта мимолетная деталь вызывает сцену ввысь, делая ее родной моему сердцу.

Но горе автору, если он знает жизнь

Сцена из первого акта. Артист В. Залывин в роли Андрея (слева) и артист О. Ефремов в роли Алексея. Фото Б. Пушкина

только в деталях и не понимает, в какой процесс складываются отдельные черты нонаго. Когда он знает это, то он может творить на сцене такие вещи, которые в театре назывались чарами театра, а театр без этого волшебного очарования — театр наполовину, а то и вовсе не театр.

...Мама уходит из дома Аркадия. Вот уж и порог, сейчас за нею захлопнется дверь. В это последнее мгновение брат Аркадия Андрей говорит ей, что Аркадий ушел из театра. Опять чудесная деталь. Насмешливый, мальчишески циничный Андрейша, издававший нас над братом, «артистом-неудачником», в серьезную минуту чуть и умо не понимает, как далеко зашло несчастье у брата.

Мама поражена, ее личное горе теряет свое значение перед несчастьем Аркадия, который — она знает — делает ошибку. Какой поэзией проникнут монолог Маши, полный новых чувств, присущих только нашей, советской молодежи!

Мама говорит какие-то неожиданные странные вещи о скатке в Сокольниках, от которой осталось два столба, о толстухе-мороженщице, которую когда-то встречал там Мама и Аркадий... И вдруг тебя пронзывает радость, мгновенно объясняющей все — скамейку в Сокольниках и мороженщицу, и весь огромный художественный замысел драматурга. Мама зовит идти гулять Аркадия немедленно, сию минуту, потому что так надо ему, ей, Аркадий не должен оставаться один и не останется. И вот чего хотел несносный мальчишка, грубиян, Андрейша, когда он сказал Маше о горе Аркадия.

В этой сцене, которая не длится и пяти минут, так много рассказано о нашем молодом поколении, и рассказано одно хорошее, если угодно, «идеальное», что одна сцена подобного жизненного насыщения и неотразимой жизненной правды может заменить целый мудрый трактат о положительном и идеальном герое нашего времени.

Но разве в пьесе «В добрый час!» одна эта сцена — подобной жизненности? В том-то и захватывающая сила пьесы и спектакля, что все здесь переполнено богатством яркой, звонкой, неподдельной жизни. И оттого не знает зритель до последней минуты, чем кончится пьеса: жизнь, увиденная зорко, подслушанная чутко, понятая умно, не похожа на наши отнюдь не серьезные сюжеты!

Вы не покинете этого спектакля с какой-нибудь «ягеловско-назидательной» сентенцией, известной вам чуть ли не с детства. Какую тенденцию автор проведет? А кто его знает... Будто бы никакой. Но нет. Большое искусство писать пьесу, между прочим, состоит в том, чтоб зритель не только не чувствовал ее тенденции, но и не замечал самой пьесы с ее ходами, нитями, узлами. Мне думается, что у автора много тенденций, потому что пьеса зовет в большом раздумья о людских отношениях в семье, в делах дружбы, любви, отношениях поколений и о многом другом, чем поучительна наша жизнь. Но раздумья эти — светлые, от которых радостно жить. А причина этой большой радости от спектакля состоит в том, что автор и театр смело и поэтично вывели из жизни черты нового, составляющего гордость и достоинство советских людей.

Искусство, если под него подводить вещественность и даже видеть в нем живую Мельбому с ее характером, сколько мне доводилось наблюдать, совершенно не забывает о местоположении, адресе и призначности сцены и уживается там, где ему, искусству, лучше всего дышится. Вот все, что мне хотелось сказать о театре, именном Центральном детском, о молодом режиссере А. Эфросе, о всем ансамбле, явно дружном, остро творческом, сыгравшем этот спектакль.

Мне в этих заметках хотелось только откликнуться на появление пьесы В. Розова, заслуживающей большого литературного разговора. Мне хотелось сказать без огорок и прямо о том, что в наших руках появился новый, большой драматический талант.

— В добрый час!

из опыта
советской
литературы

ВПЕРЕД, В СТРАНУ ВЗРОСЛЫХ...

Борис Житков работал в литературе 15 лет — с 1924 по 1938 г. За эти годы им было создано до полусотни книг для детей. В начале своего литературного пути он по большей части писал для подростков, в конце — для малышей. Писал он рассказы, повести, пьесы, статьи, научно-художественные очерки, сказки. За 15 лет работы в детской литературе Житков успел переписать все жары, все виды книг для детей и избрал и подказал немало новых, а вынул тем, что создал совсем уже небывалую книгу: энциклопедию для четырехклассных... Объем его знаний был такой, что он сам, собственной своей пером, Борис Степанович Житков — штурман дальнего плавания, специалист по авиамоторам, инженер-кораблестроитель, зоолог, химик — представлял собой как бы обширную энциклопедию. Знания его были глубоки и точны, и этой глубиной и точностью пропитан и стиль его произведений: о море он писал, как моряк, о плотниках — как плотник, об электротехнике — как инженер. И самое главное: созданный им библиотека при всем разнообразии тем проникнута единым чувством и единой мыслью. Житков вместе со всей советской литературой вел на свой лад и своим средствами, страстную борьбу за создание человека будущего, избывая своей едкой, жгучей, беспощадно-правдивой, иногда даже до колотчицы жесткой прозой пороки, трусость, прелесть, — черты, воспитанные в людях грабительским капиталистическим строем. Чуть ли не каждый его рассказ для подростков — умелый и гневный протест против этих омерзительных свойств. Его рассказы, обращенные к подросткам, — «Под водой» и «Над водой», «Вата», «Погребель», «Механик Салерно», «Мираж», «Сию минуту!», «Коржик Дмитрий», «Николай Исаич Пушкин», «Урок географии», — обучают читателя ненавидеть трусость и низость, уважать труд и братство людей труда и их борьбу с угнетателями. «...Хорошее знание прошлого весьма полезно для современного юношества», — писал Горький. Дети, которым в 1920 году было всего 10—15 лет от роду, узнавая Горький, «заряжены неодолимой ненавистью к прошлому... Пожалуй, во всей советской литературе для детей не было и нет рассказа, с большей силой, чем «Дяденька» Житкова, огулающего читателя язгом, гротеском и бесчеловечем капиталистического предприятия. Мальчишка-рабочий попадает на судостроительный завод и гложет физически и нравственно, чуть не становится убитой в язге железа, среди грубых окриков и ни за что ни про что слышавшихся на него колотушек. Рассказ этот, безусловно, «заряжает» читателя ненавистью к бессмысленной и зверской жестокости дореволюционного мира... А «Компас», повествующий о матроскастачечниках, — это рассказ о борьбе и победе.

Рассказы Житкова насыщены огромной эмоциональной силой. Он сам возводил — потому волнуется и читателя. Нафос произведений Житкова — его мечта о человеке будущего, ненависть к тупищам и уважение к людям-творцам придают жгучей остроте и страстности и богатому языком. С какой страстью изображает он тех, кого ненавидит; — людей жажны, людей-угнетателей; не изображает, а изображает, не изображает; — бичует. На наших глазах под пером Житкова образ угнетателя приобретает все большую остроту и вычужденность. Хозяин в рассказе «Погребель» похож на злое насекомое — «ловкий, грязный», «англиканец-эксплуататор из рассказа «Урок географии» выглядят настоящие чудовища; у него не лицо, а бифтекс, не тело, а туша, не бабки, а копыта; и эти бабки-копыта — как бы он «стычет в худую спину» крики, бедняк, на чьей стороне вся любовь Житкова, вся его нежность, чей судьбой он страстно занят, о чем бы ни писал. Отчетливости чувств — ненависти к одному, любви к другим, пристрастия, но уменьшающего, а, наоборот, усиливающего подлинную художественную точность, — требовал Житков от всякой книги. Критикуя книгу одного из своих друзей-литераторов, Житков с упреком писал ему: «Вы... куда-то в бумагу закатываете свое сердце, так что пульс его едва слышен со стороны». Сам он не был в этом повинен. При нарочитой грубоватости лексика, при целомудренной скудости в изображении чувств, сердце автора — страстно любящее, страстно ненавидящее — явственно пульсирует на страницах. «Что ты, шути с тобой? Да милый ты мой!» — с нежностью говорит он заводскому мальчишке устами капитанчика из рассказа «Дяденька».

«Всякая злоба — коунство и пошлость, которой никакого не выдумашь оправдания», — писал Житков. «Одно все же скажу, — советовав он своему другу, — не бойсь вы лирики. Без нее не дышит ничто. И в эпоху все равно как-то ведь сторону вы держите? А коли держите, значит, и сердце затрунот, и это я считаю лирикой. Иначе, кроме каталогов, и книг нет. Да и хороший каталог без лирики делается».

В своем творчестве Житков неуклонно «держал» одну «сторону» — сторону тру-

Лиля ЧУКОВСКАЯ

догого народа. И держал не рассужком, не сухо и холодно, а влюбленно, всей душой. Вот почему, хотя только немногие из рассказов Житкова написаны на материале советской действительности, Житков — писатель вполне современный и книги его не стареют.

«Позиции, завоеванные Борисом Житковым, надо не только охранять. С этих позиций надо вести наступление...» — с таким призывом обращался к детским писателям С. Маршак.

«Житков был истинным мастером... у него можно учиться письму: он писал, как никто другой, и в его книгу входили, как ученик — в мастерскую», — утверждает К. Федин.

Каковы же были позиции, завоеванные Житковым, в чем заключалось его мастерство?

С первых шагов своей писательской деятельности Борис Житков, вместе со всей создававшейся заново советской литературой для детей, с большой смелостью начал вводить в литературу подлинный жизненный материал — писать о борьбе и опасности, требующей героического напряжения сил. Он сразу повел ребенка на подводную лодку и на борющийся с бурей самолет, к рабочим судостроительных верфей и к революционному матросам-подпольщикам — из детской комнаты в широко распахнутый мир. Он знал, что всякий ребенок и сам стремится туда, к настоящей взрослой жизни и это-то стремление и есть «специфика детского возраста», одно из его наиболее существенных и плодотворных свойств. Всякому мальчишке «хочется скорей ввязаться за настоящее, за взрослое, за большое, и не пробуй, а свинцовой пулей выпалить... из... винтовки». Он рвется вперед, в страну взрослых, где надеется уж что-то сделать», — писал Житков.

Вывести детей из искусственной типичности в широкий мир, мир борьбы — этого требовала от советских писателей революция, этому же настоятельно учила их русская классика. Лучшие рассказы Житкова продолжают русскую классическую традицию еще одной существенной своей чертой: сюжетная острота, занимательность поставлены в рассказах Житкова на службу изображению характеров. В одном из писем 1925 г. Житков писал: «Нитрига для меня не главное, а только службное, на чем им проявляться». «Им» — то есть характерам героев. И в самом деле: рассказы Житкова трогают, хватают за сердце не описанием пожара или бунта, а красотой души простого человека, проявляющейся в минуту борьбы.

Язык книг Житкова учит нас понимать, что истинным писателем для детей может быть только тот, кто владеет тонким, основанным на изучении народной речи и прежде всего своеобразным и богатым языком. Худосочный, выходящий, бесценный язык, единственное достоинство которого — книжная грамматическая правильность, недостаточно выразителен, смел и ярок для детской книги. Он опресняет, оскутняет действительность. «Все правки в сторону обезличивания текста на манер грамматической литературности, — с негодованием писал Житков о редакционных поправках, внесенных в одну из его рукописей. — Язык этот утверждает, что ничего не случилось». В книгах Житкова всегда случалось многое, очень многое; и веселое, и страшное, и грустное, и трагическое. Нет, для него не годилась язык, утверждавший, будто ничего не случилось!

Брупные педагогические задачи Житков решал средствами искусства. Извлекая над приспособленцами, он в 1925 году писал: «Вопрос сезона — огород; задела момента — кооператив; ответ — кооперативный огород». «И как всякий предпринятый результат, ничего не интересует эта бухгалтерия». На то, чтобы холодно и рассужком иллюстрировать очередную поучительную мысль, — в беллетристической или в научной книге, — он не соглашался.

Это горячее несогласие, несогласие творческое, создающее, — тоже одна из «позиций» Житкова. Рассказы Житкова самим присутствием своим в литературе заставляют фальшь и ложь, запретную наводить на действительность хрестоматийный глянec и «подгонять» прощепетать в заранее заданном «ответу». Надо учиться у Житкова изображать жизнь с бесстрашной правдивостью. И науку и технику надо уметь преподнести ребенку, используя завоевания, сделанные Житковым: не прибегать для изукрашивания сухого материала к фальшивой беллетристичности, а искать драматизм в самой сути научной проблемы.

И тут возникает один неожиданный вопрос. Вот мы говорим: «традиция Житкова», «позиция Житкова», «един из основоположников советской литературы для детей». А какова судьба со-

зданной им библиотеки? Читает ли ее полнота? Хорошо ли известны рассказы Житкова молодым писателям, пробующим свои силы в области детской литературы? Научились ли они пользоваться его оружием — дальние вести борьбу за человека будущего и завоевания нашей литературной поэзии?

При жизни Житкова, в тридцатые годы, судьба его книг в общем была победоносной. Книги его издавались и переиздавались большими тиражами, они пользовались большой любовью подростков, нежной любовью малышей и пристальным вниманием взрослых. Правда, иногда критиков, педагогов или комиссию по детской литературе при Государственном ученом совете (ГУСс) охватывали, по определению Житкова, «сурогити пуританизма»: то комиссия заметит, что в одном из рассказов встречается ужасное слово «курка», да и запретит рассказ (не заметив с испугу его глубокого педагогического смысла); то рецензент сообщит, что книга «Про обезьянку» была «дана «на проверку» (!) в образовательную школу и образовано-ортодоксальные люди, «проверив» книгу по выводу, что она, хоть и хороша, да «сплыла от нее мало». «Если глянуть на искусство, как на рыбий жир для рахитиков, то кто устоит, кроме старателей?» (приспосабливая) — с горечью размышлял Житков, наведенный на эти размышления вульгаризаторскими решениями ГУСс. А после того как был запрещен один из его рассказов («Шуля»), он избрал даже особый глагол «угусит!» (от слова «ГУСс»), что означало запретить, не допустить...

Однако вскоре после разгрома всех этих вульгаризаторов, после гневных статей Горького против пессимизма, прикрывающегося «двой» фразой, «старателю» (приспосабливая) работать стало труднее, истинным художником — легче, и книги Житкова шли и шли в детскую среду — к школьникам, дошкольникам и еле начинающим читать малышам.

В 1938 году Житков скончался. И через несколько лет после его смерти — в сороковые годы — с его наследием начало твориться нечто неслыханное.

Усилиями Деггиза «воспитательный потенциал» библиотеки, созданной Житковым, уменьшен почти вдвое: политика издательства превратила Житкова, создавшего книги для всех возрастов, в писателя исключительно для малышей. Большая часть его рассказов исчезла из образования. Это рассказы для старшего возраста, то есть именно те произведения, в которых психологические и социальные конфликты поставлены и разрешены наиболее остро. Они из них не переиздавались уже более 20 лет, другие — 14, третьи — 8.

Давно уже Житков именуется в справочниках, словарях и юбилейных статьях «основоположником»; о его творчестве пишутся диссертации; в учебнике по детской литературе напечатан его портрет и суконным языком изложено содержание его произведений, но самих этих произведений — не в пересказе, а в том виде, в каком они вышли из-под пера замечательного мастера, — нет на книжном прилавке, и даже в библиотеках они — редкость.

Видно, делая поспешно именовая писателя «основоположником», чем в самом деле величественно любить его, то есть отбирать, издавать, пропандандировать лучше из созданного им.

Житков печалился когда-то о том, что «детский писатель работает вне художественной критики». К сожалению, оставшаяся критика в детской литературе не преодолела до сих пор. Если бы это было не так, если бы критика всегда умела сквозь тьму художественного произведения видеть воплощенную в нем идею — мысль, которая, по слову Беллинского, «в истинно-поэтических произведениях... не является отвлеченным понятием, выраженным догматически, но составляет их душу», — разве тогда бы незаметно исчезнувший из сокровищницы литературы для детей такая ценность, как рассказы и очерки Житкова, как «Компас», «Дяденька», «Резка в упрямке», «Урок географии», «Механик Салерно»? Все эти рассказы, обладающие огромной воспитательной и художественной силой, — это истинное творчество реализма, сочетающегося порой с высокой романтикой, столь желанной подросткам, — были надолго спрятаны, учтены от читателей! Нет, подобное изятие может быть совершено лишь при попустительстве или полном отсутствии критики.

Судя по перспективному плану Деггиза, издательство принимает меры, чтобы исправить свою ошибку: на страницах плана мы встречаем названия книг Житкова не только для дошкольного и младшего, но и для среднего и старшего школьного возраста. Отлично, давно пора! Однако среди имен тех писателей, чьи избранные произведения будут распространяться по подписке, имени Житкова нет.

Нужно горячее и бережное отношение к творческому наследию выдающегося советского мастера.

ФЕСТИВАЛЬ
ФИЛЬМОВ
ГЕРМАНСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

Страстность и мужество

С самого своего возникновения кинематография демократической Германии оформилась как искусство больших и ответственных задач. Раскрыть немецкому народу зверский, человечески-инстинктивный лик фашизма, показать политическое предательство, моральное убожество «верноподданников», открывших путь Гитлеру, и, самое главное, вдохнуть немецких трудящихся на борьбу за мир и единство своей страны — в этом главная творческая деятельность кинематографов Германской Демократической Республики. Поэтому таким страстным политическим темпераментом пронизаны их лучшие произведения, это — искусство публицистически острое, открыто тенденциозное, резкое в своих криках, неутомимое в оценках, и это — зреющее в памяти искусство, стойкое в любви и беспощадное в ненависти.

Трудно забыть полные гневного сарказма кадры «Верноподданного», когда в пыле ласковой подобиюстадия обуреваемый, «распрямленный» верноподданническим восторгом бежит за императорской коляской Хессинг, источно прерывающийся голосом крика «ура!» И так же незабываемы суровые, полные непреклонного мужества лица крестьян в «Непрощенных гостях», прегради-

вших путь к своей деревне американским солдатам.

Важнейшие черты этого страстного, боевого искусства, его высокие творческие цели воплощаются в новом фильме «Эрих Тельман — сын своего класса», демонстрируемом сегодня у нас в дни фестиваля кинофильмов Германской Демократической Республики.

Фронт. Серое осеннее небо 1918 года. Рвутся снаряды. Вздымаются и падают фонтаны змеи Гора танк. Солдаты прижались к стенкам окопа. Один из них, широкоплечий, со спокойным и сильным лицом говорит: — Товарищи, что мы ждем? Последним примером наших русских братьев!

Он тут же пишет листовку, которая раскладывается по окопам: «Поверните винтовки, солдаты!»

Так начинается фильм. В его названии есть немецкая нота. Она есть и во всем фильме. Он историчен и вместе с тем современен. Это — большое повествование о революционной борьбе германского рабочего класса в первые годы после мировой войны 1914—1918 годов и это поучительный сегодня урок истории.

Перед сценаристами Вилан Бределем и Михаэлем Чено-Халль стояла не легкая задача — вместить в пределы одного фильма

быстро сменяющиеся бурные события и процессы тех лет: революционные бои всемирного года, контрреволюционный путч Каппа, инфляцию и обнищание народа, безработицу, гамбургское восстание.

В результате трехлетнего труда авторам удалось создать стройный, правдивый художественный рассказ, где политические события являются не фоном, а самой тканью сюжета, где личные судьбы героев и исторические факты сплетаются в одно цельное драматическое повествование.

Основную роль в этом фильме выполняет артист Гюнтер Симон, играющий Тельмана. Какой цельный образ! Какое гармоничное сочетание душевой и физической силы! Страсть и мужество, сердечность и простота. Никакого пошества, никакого напыщения. Этот сильный, ясный, непосредственный человек кажется воплощением рабочего класса, его энергии, его прозрачности, его мужество. Вот эпизод, который можно назвать «Гнев Тельмана». Он тем сильнее впечатляет, что гнев обращен в данном случае не против врага, а против ошибки друга. В один из тяжелых моментов гамбургского восстания товарищ Тельмана, рабочий Дин (артист Раймунд Шеллер), говорит: — Товарищи! Будем бороться, пока все не погубим!

Тельман взрывается: — Революционер так говорить не может! У тебя нет никакого чувства ответственности! Ты ведешь себя, как анархист!

Емкий эпизод! Он не только демонстрирует темперамент Тельмана, но показывает его политическую мудрость, волю к победе,

его оптимизм — черты, которые делают его волею германского рабочего класса.

В эпизоде с юным Питером Бринкианом, с Мартой Фибрайтер, с Энине проявляются другие черты его богатой натуры — большая человеческая нежность, забота о товарищах, мечты о счастливом будущем.

И все же порой в образе Тельмана проскальзывают черточки индивидуальности. Таков, например, эпизод, когда молодой Тельман варит, как бы под влиянием только что прочитанной страницы, приходит к мысли о необходимости применения насилия в революции.

Восстающая этот образ, автор иногда недостаточно использует свое право художественного доммысла, излишне связанные фактическим материалом. Поэтому же, очевидно, Тельман совсем не показан в личной жизни. Этот недостаток тем более заметен, что все другие образы авторы рисуют свободно, с полной мерой художественной самостоятельности.

Еще в первых кадрах фильма, в окопах всемирного года, рядом с Тельманом возникает образ его фронтального товарища Фите Янса. Это небольшой человек, с живыми и умными, насмешливыми и добрыми глазами. Ему предстоит — в изображении артиста Ганса Петера Минетти — стать одним из обязательнейших героев фильма.

Тельмана окружает и действует вместе с ним группа рабочих, товарищей по партии. Здесь нет безличных персонажей. Это яркие, значительные и разнообразные фигуры. Нельзя забыть мелкотелого и хитрого Артура Фибрайтера (артист Эрих Франц), его сер-

дечной и вспыльчивой жены Марты (артистка Эрика Дунжевальм) и в особенности страстной, застенчивой и отважной Энине Хармс в выдающемся исполнении артистки Карлы Рункель.

Тонко и экономно, почти без слов показывающая молодая артистка завязку романтической дружбы между Энине и Фите, дружба, пожалуй, наиболее тепло обрисованная персонажами фильма, Карла Рункель владеет искусством воплощать глубокие чувства чрезвычайно скупыми средствами. Такова, например, Энине в том эпизоде, где Фите в заблуде о девичьем обменном путем удаляет ее из уличного боя. И в эпизоде, где, вопреки стараниям Фите, девушке удается получить опасное поручение. Здесь Энине пронизано всего два слова: «Ну, Фите?». Но сколько в этом торжества, зазора, а вместе с тем гордости и высокого сознания своей ответственности.

В фильме немало таких верных, точных и тонких деталей, счастливо найденных режиссером Куртом Метцгом. Таковы, например, кадры, изображающие верхушки падающих деревьев, которые снимаются рабочими для постройки баррикады. Или: эпизод, где население рабочего квартала швыряет из окон горшки с цветами, ведра с водой, ящики с землей на головы солдат контрреволюционных отрядов, или: дождь обесцененных инакционных денег, которые топчут ногами проходящие по улице демонстранты. Великая изобразительная сила подобных деталей, существующая в кратчайшем отрезке времени, значительные события в личных судьбах героев и в политической жизни страны.

Один из трогательных эпизодов фильма — прибытие в Германию советского парохода «Карл Либкнехт» с грузом продовольствия для голодающего населения Германии.

Эта линия братского единения между революционными русским и германским пролетариатом не однажды возникает в фильме. Особенно значительно звучит в картине слова Тельмана: «Говорить Ленин совершенно верно сказал: «Отношение к советскому государству это пробный камень того, является ли человек революционером или нет».

Но все в фильме находится на одинаково высоком художественном уровне. Разочаровать может невольные образы Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Некоторые отрицательные персонажи, например Валькерт, Асмусен, до того явны и своей предательской и враждебной сущности, что непонятно, как этого не видят окружающие. Финал фильма впечатался бы больше, если бы он заканчивался не ревью, а действием.

При всем том «Эрих Тельман» — значительное, волнующее произведение. Революционная страстность, выразительность психологического рисунка, драматическая сила, художественный боевой стиль делают его выдающимся произведением мировой прогрессивной кинематографии. Он «обдательный свидетельством об истинной зрелости и зрелом мастерстве деятелей кино ГДР».

Л. СЛАВИН

Делегация рабочих заводов «Рено» приняла во французском Национальном собрании это предложение с подписями патриотов, не желающих возрождения немецкого вермахта. Вверху на полнотелом надписи: «Персонал заводов «Рено» не желает перевооружения Германии и протестует против ратификации лондонских и парижских соглашений».

ПРОТИВ ТЕХ, КТО ПОДГОТОВЛЯЕТ АТОМНУЮ ВОЙНУ

Теперь уже всем людям на земном шаре понятно, что новая война, которую готовят развязать силы международной агрессии, была бы атомной войной, грозящей человечеству и его цивилизации неисчислимыми бедствиями. Крупнейшие ученые утверждают, что такая война может привести к гибели всего живого на нашей планете.

И вот, несмотря на это, Совет Северо-атлантического блока развязал руки американским генералам, предоставив им право говорить и начать, когда им заблагорассудится, атомную войну, не совместимую с понятием чести, достоинства и совести человечества. Больше того, зловещие парижские соглашения дают возможность вчерашним военным преступникам — русским магнатам и гитлеровским генералам, — получать, прежде всего от Соединенных Штатов Америки, атомное оружие;

организовать на территории других стран производство атомных и водородных бомб и, наконец, вести в Западной Германии работы в области атомных и ядерных исследований.

Итак, если вступит в силу парижские соглашения, палачи Франции не только смогут восстановить реваншистский вермахт (который лишь для начала истребляется полумиллион человек), но и получат в свои руки адское оружие самого разрушительного действия.

Кстати, атомные бомбы и пушки для будущего вермахта уже готовы. На них стоит клеймо: «Сделано в США». Кто может, зная германских милитаристов, сомневаться в том, что для осуществления своих реваншистских замыслов они, как только найдут удобный момент, обратят на нашу страну, на Францию, атомные бомбы и снаряды американского, а то и собственного изготовления? Вот почему французский народ испытывает чувство глубокой тревоги.

По горькому опыту французы знают, что германские милитаристы, не считаясь с законами совести и права, охотно проверяли на беззащитных людях «новинки» техники разрушения и обращали против мирных жителей самые жестокие, варварские средства истребления.

Вспомним лишь несколько страниц, которые германский милитаризм кровью своих невинных жертв вписал в историю недавнего прошлого.

23 марта 1918 года Париж был подвергнут бомбардировке. Однако в этот весенний вечер люди тихо искали в ясном и чистом небе силуэты немецких самолетов.

Откуда же неслось смертоносное оружие, которые в страстную пятницу разрушили церковь Сен-Левре и погребли под ее обломками прихожан, а несколькими днями позже уничтожили сотни стариков, женщин и детей?

По этому поводу высказывались разные предположения, но ни одно из них не подтвердилось. Наконец, запоздалое коммюнике генерального штаба разъяснило, что это были снаряды, выпущенные из гигантской крупнокалиберной пушки, установленной в 120 километрах от Парижа, неподалеку от Лана, в лесу Крепи-ан-Ланнуа.

Это подлое убийство беззащитных людей вызвало во всем мире мощную волну гнева и протеста. Зверская жестокость германских милитаристов уже тогда проявилась во всей своей мерзости.

Двадцать шесть лет спустя, в ночь с 12 на 13 июня 1944 года, забесмысленной жестокостью пустили в ход свое разразительное «секретное оружие» и бомбардировали Лондон разрушительными самолетами-снарядами «ФАУ-1».

Хотя разведка предупредила штабы британской армии, что враг готовит атаку этих воздушных роботов на Лондон, британские командования отнеслось к этому сообщению с недоверием и слишком поздно приняло защитные меры.

Результаты были ужасны: 6.000 убитых, 20.000 раненых, 25.000 разрушенных домов, десятки тысяч пострадавших зданий.

Осенью 1944 года гитлеровцы начали подготовку массированного налета самолетов «ФАУ-2», но, к счастью, эта подготовка была задушена в самом зародке, благодаря гитлеровскому размаху коррумпированного наступления союзнических армий.

Все мы помним и другое. Через год, в августе 1945 года, магнаты доллара пока-

зали, что они способны превзойти в зловещих нацистских каналах. Две американские атомные бомбы превратили японские города Хиросиму и Нагасаки в груды дымящихся развалин и кладбище многих тысяч людей.

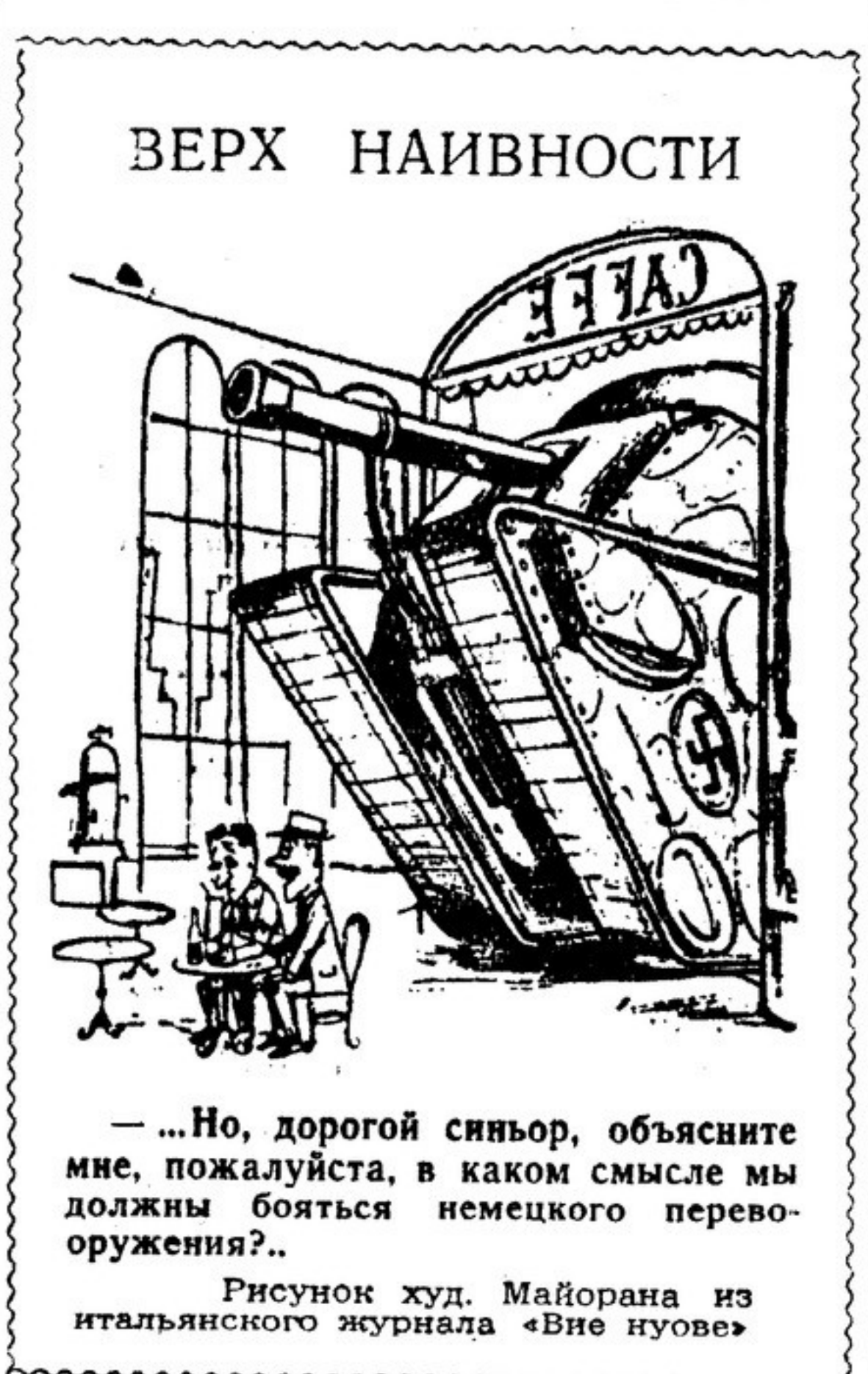
С той поры в дьявольском искусстве массового уничтожения мирных жителей совершился титанический прогресс. Термоядерные бомбы, обладающие разрушительной силой, во много раз превосходящей разрушительную силу бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки, были пущены в производство, испытаны (первыми жертвами американских экспериментальных взрывов пали японские рыбаки) и усовершенствованы.

Французский народ ясно сознает, что в нынешних условиях территория Франции может быть превращена в атомный плацдарм, который в случае войны покроется обломками и миллионами трупов. Вот почему неуклонная, последовательная и настойчивая борьба Советского Союза против использования атомной энергии в военных целях встречает в нашем народе горячую симпатию и поддержку. Вот почему недавние предложения Советского Союза о том, чтобы поставить атомную энергию на службу человечеству и использовать ее гигантскую мощь в качестве неиссякаемого источника постоянного прогресса для блага и счастья всех людей на земле, породили самые светлые надежды во всех слоях французского населения.

Вот почему важные решения расширенной сессии Бюро Всемирного Совета Мира и Вене, проходившей под председательством крупнейшего ученого профессора Жолио-Кюри, отозвались в сердцах французских патриотов торжественным и волнующим призывом к объединению всех национальных сил для победоносного сопротивления американским фашистам — организаторам атомной войны, призывом к борьбе за уничтожение всеми странами запасов атомного оружия и за немедленное прекращение его дальнейшего производства.

И французский народ усиливает борьбу. В эти дни со всех концов Франции идет в Совет Республики поток резолюций, обращений и телеграмм протеста. Члены Совета посещают многочисленные делегации. Миллионы французских патриотов требуют, чтобы Совет Республики выразил волю нации и отклонил зловещие парижские соглашения. Еще не поздно преградить путь возрождению реваншистского вермахта, путь, ведущий к чудовищным преступлениям новой войны!

Флоримон БОНТ
ПАРИЖ, 28 января. (По телеграфу)

Международная почта

ЛОВКОСТЬ РУК

Американская провинциальная газета «Пенсильванская геральд», выходящая в городе Монтерей, опубликовала недавно следующее сообщение агентства Юнайтед Пресс:

«Полнейший отряд, вооруженный резиновыми дубинками, выехал сегодня бургомистра Германа Гулаха (Бремен) из рук разъяренной толпы немецких домохозяев, протестовавших против реквизиции их земельных участков для нужд строительства американской армии».

Удивительное саморазоблачение! До сих пор американская буржуазная пресса упорно твердила, что население Западной Германии души не чает в американских оккупантах и просто-таки ослеплено их пребыванием в стране. Как же решилась редакция «Пенсильванская геральд» поместить такую корреспонденцию?

Разгадка этой загадки содержится в заголовке, которым редакторы американской газеты с ловкостью рук необычайной снабдили сообщение из Бремена: «Восстание в германском Востоке!»...

Провинциальные американские бюрократы прибегли к неистоплотному маневру: город Бремен они перенесли из одной части Германии в другую. Сообщение о неслыханных западногерманских бундах они решили преподнести читателям как событие, произошедшее в Германской Демократической Республике. А вошь, протести не разбирается...

ОПАСЕН ЛИ МИР ДЕТЯМ?

Ответ на этот вопрос, казалось бы, ясен: нет, мир не опасен для детей, если не обходить. Между тем, оказывается, в Англии есть люди (и, что самое скверное, — среди тех, кому поручена забота о подрастающем поколении), которые, видимо, придерживаются другой точки зрения.

Недавно в Лондоне, в одном из залов, находящихся в Вестминстере, открылась, как сообщала английская газета «Дейли уоркер», выставка для школьников. Это одна из тех выставок, цель которых — расширить кругозор подростков, помочь им выявить свои наклонности и таким образом облегчить в будущем выбор профессии.

Патристическая организация «Союз борьбы за мир» решила вместе с организацией «Квакеры» выставить здесь стенд на тему «О подвигах мирных дней». Материалы стенда должны были, в частности, рассказать о борьбе человечества с голодом и о помощи жертвам стихийных бедствий за границей.

Но, как ни странно, это предложение встретило сопротивление со стороны устроителей выставки. Свой отказ они мотивировали таким доводом: не следует пугать детей «опасностями будущего». Сколь фальшива подобная аргументация, можно судить по следующему факту. На предшествующей выставке по словам представительницы «Союза борьбы за мир» Сибиллы Моррисон, фигурировали, например, такие плакаты вербовщиков пушечного мяса: «В военном флоте вас ждут захватывающие приключения», «В регулярной армии перед юными открываются много возможностей», «В парашютной войска можно вступать семнадцати с половиной лет». Если организаторы не решаются пугать подростков «опасностями» мирного труда, справедливо замечает Моррисон, что представляется по меньшей мере странным, что они разрешают военному министерству подвергать их в семнадцати с половиной лет опасностям, уготованным парашютистам.

Что ж, в сегодняшней Англии, где некоторые политические деятели вкупе со своими заокеанскими друзьями разжигают атомную истерию, поведение организаторов школьной выставки в Вестминстере может показаться кое-кому вполне оправданным...

В книжном магазине Адольфа Детмана в Гамбурге возмущено несколько покупателей и потребовали книгу «Моя борьба».

Гитлера «Моя борьба». Услышав, что этой книги в продаже нет и что владелец магазина не советует к ней прикасаться, фашистские молодчики разразились бранью и пригрозили Детману расправиться с ним при первой возможности.

Тогда нагнанный киниторговец, пишет немецкая газета «Берлинер цейтунг», решил официально выяснить: разрешена ли вообще в «боннской республике» продажа фашистской литературы, в частности книжка «Моя борьба»?

С таким вопросом он обратился к начальнику гамбургской полиции. Полученный ответ гласит: «Существующий в настоящее время правовой порядок, касающийся торговли нацистской литературой, не допускает политического (!) вмешательства в это дело».

Не удовлетворившись таким туманным разъяснением, Детман адресовал в юстиции секретарю боннского министерства юстиции Штраусу. Однако и от него пришел аналогичный ответ: торговля нацистской литературой, в том числе книг Гитлера, «как минимум» определенным предписанием уголовного кодекса не запрещена.

Смысл разъяснений, хотя и составленных в умыленном неопределенной форме, достаточно ясен: то, что не запрещено, разрешается... Впрочем, гамбургский киниторговец получил еще один ответ. В нем детманоу бунстага Ленце («свободная демократическая партия») вполне откровенно высказал свое мнение: «Она «идеально» совпадает с фашистской литературой: «Безусловно допустимо иметь в ассортименте книгу Гитлера «Моя борьба» и торговать ею»...

Разумеется, запросы Адольфа Детмана — запросы правды. О каком «запрещении», формальном или фактическом, торговля фашистской макулатурой может идти речь, когда за последние годы в Западной Германии выпущены десятки и сотни книг, изданных с единственной целью реабилитации германского фашизма и милитаризма? И даже если бонские власти вдруг решились бы в виде исключения запретить продажу книги «Моя борьба», то, по существу, ничего не изменилось бы: остальная литература на все лады рекламирует и «расколдовывает» основные положения этой гнусной «сблудки фашизма».

Популяризируются, в частности, «основы агрессивной гитлеровской внешней политики». Этой цели служит, например, книга Риббентропа. Западногерманское издательство, выпустившее эту книгу из «литературного наследия» военного преступника, считает, видимо, что она «идеально» совпадает с «основами» боннской внешней политики, и потому рекламирует ее как «сенсационную новинку». К слову сказать, реакционные за-

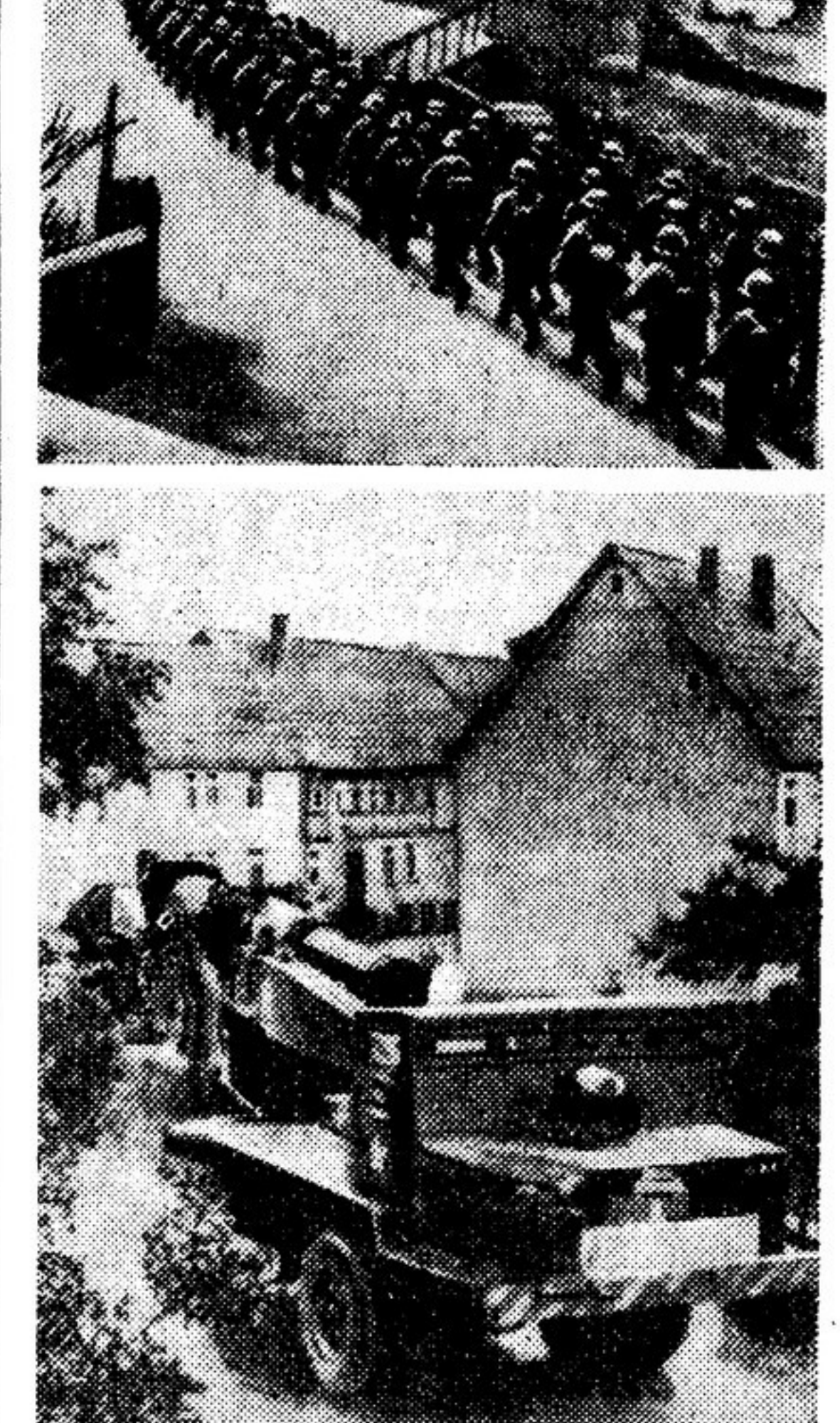
падногерманские издательства все чаще обращаются к «литературному наследию» фашистских газет. Так, недавно западногерманская газета «Тарг» сообщила, что издательство «Ворт унд вер» в Кельне приобрело «все права» на издание литературного наследия Геббельса.

Словно на конвейере, выпускают западногерманские издательства фашистские и милитаристские книги. И как и в предвоенные годы, германские монополии влохнут и субсидируют подобную издательскую деятельность, психологически готовят население к агрессивной войне, замышляемой Бонном и его зарубежными покровителями.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Любопытные фотографии опубликовала западногерманская буржуазная газета «Ахт унтер-у-н».

Интересно их происхождение, показательно, что зафиксировал объектив фотоаппарата.

Оба снимка сделаны из одного и того же окна в маленькой западногерманской деревне. Первый из них (вверху) относится к 1944 году; репортёр, сидевший у открытого окна, фотографировал проходившую мимо фашистскую парадную часть. Второй снимок (внизу) сделан ровно через десять лет с того же места; на этот раз он запечатлел американскую атомную пушку...

По Западной Германии снова движутся силы войны и разрушения. Десять лет тому назад это был гитлеровский вермахт, сейчас — это войска американских империалистов.

ГЛЯДЯ НА ПОЧТОВЫЙ ШТЕМПЕЛЬ...

Французы часто могли прочитать на полученных по почте письмах всевозможные советы и пожелания. Эти советы и пожелания давала милостиво почта (в большинстве случаев не от своего имени), ставя на письмо штемпель, который не только гасил почтовую марку, но и четко отпечатывал на конверте что-либо вроде: «Коллекционирование почтовых марок — приятное времяпрепровождение» или: «Соблюдайте правила уличного движения».

Иногда эти призывы оставались незамеченными, иногда вызвали улыбку или удивление. Однако времена меняются, и безобидные пожелания на письмах, пропитанных вонючим запахом войны, постепенно превращаются в настоящие угрозы. О них уже не скажешь, что они вызваны улыбкой... Мы воспроизводим здесь один текст, предлагаемый теперь вниманию французской почты: «Поступив в армию, вы приобретете профессию!» — гласит эта надпись на конверте, отправленном из Парижа 6 января 1955 года. «В военно-воздушных школах вас обучат ремеслу!» — читаем мы на других письмах. Ясно, что, по существу, речь идет не о мирной профессии, а о «ремесле» убийц и колониальных захватчиков.

Можно с уверенностью сказать, что эти призывы не вызовут восторга у французского военного авантюриста и колониалиста, расправившимся французский народ, а к прочному миру.

Смесь

Он знает! Американский реакционный журналист Дрю Пирсон следующим образом охарактеризовал на страницах «Дейли митвор» внутриполитическую атмосферу в США: «Помешательство на безопасности достигло головокружительной высоты». Этот вывод подтверждается фактом: недавно охрана управления заточила операцию не давая заместителю руководителя этого управления Расселу поговорить с одним индонезийским студентом только потому, что «студент не был проверен Центральным разведывательным управлением». Между тем, как известно, Дрю Пирсон, министр юстиции США, член «Группы 100» и «Группы 200», депутат-антикоммунист, прежде чем допустить его в США...

В бельгийской Бельгии... Как сообщает французский журнал «Пун де ну» — «имам дю мона», бельгийский спидмен Фюллер привел следующие данные о положении трудящихся Бельгии: каждую неделю в стране умирают от инсульта 34 человека; 100 тысяч бельгийцев живут в тучности; десяти тысяч жителей маленькой Бельгии не могут заработать себе на жизнь.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

Крушение надежд Олсона

Несколько дней назад на Вашингтонском аэродроме приземлился самолет, доставивший из Сайгона в США специального представителя президента Эйзенхауэра генерала Джона Коллина. Сей знаменитый доллар в Южном Вьетнаме прибыл на американскую землю с планом обучения ба-оадельской армии американскими офицерами и снабжения ее американским оружием.

Ранее, находясь в Сайгоне, Коллин, поблужаемый воинственными выкриками, доносящимися из Пентагона, заявил, что Вашингтон «надеется с помощью долларов убедить все население (речь идет о Южном Вьетнаме) голосовать за политику США».

Не следует, разумеется, понимать эти слова в буквальном смысле. Коллин отнюдь не намерен расположиться где-либо на людном перекрестке Сайгона и начать раздвигать население шуршащие новенькие ассигнации. Доллары предназначены для совершенно иных целей: в 1955 году будет отпущено 300 миллионов долларов на создание новых полицейских частей в Южном Вьетнаме. Они-то, вероятно, и примутся «убеждать» население «голосовать за политику США».

Наивны, близоруки и безнадежны расчеты «перубеждать» население Южного Вьетнама с помощью доллара и кнута! Многие факты говорят об этом, в том числе несколько необычное протестное с корреспондентом газеты «Нью-Йорк геральд трибун», известным американским реакционным журналистом Джеймсом Олсоном, о котором он сам и сообщил.

Многоопытный корреспондент вознамерился доказать, что хотя дела в Южном Вьетнаме и весьма плохи, но, мол, и «на той стороне» положение якобы не лучше. Движимый своей мыслью, он тайно пробрался из Сайгона в один из существовавших еще демократических районов Южного Вьетнама — зону Бамау, которую вооруженные силы Демократической Республики Вьетнам готовят оставить в соответствии с условиями соглашения, заключенного в Женеве.

Разная была и назначенная поездка, Олсон писал: «Я надеялся получить возможность сообщить о том, что организация Вьетмина (так буржуазная печать США называет Демократическую Республику Вьетнам) слаба, неустойчива и не пользуется поддержкой народа». Вооружившись этой надеждой, Олсон и двинулся в путь. Пространные корреспонденции свидетельствуют о крушении его надежд.

«Мое основное впечатление, — признается Джеймс Олсон, — состоит из смеси восхищения, ужаса и отчаяния, вызванных теми успехами, какие одержаны коммунистами. И не столько в связи с самим положением вещей, сколько в связи с тем мужеством, какое они проявили в преодолении невероятных трудностей и достигли блестящих военно-политических результатов».

«...Простое перечисление результатов, достигнутых за девять лет, весьма ясно подтверждает мои собственные безгласные наблюдения об эффективности, мощи и популярности в народе правительства, возглавляемого коммунистами».

Так корреспондент «Нью-Йорк геральд трибун», отправившись с большим мешком за шерстью, сам вернулся стриженным... Может возникнуть вопрос: что заставило его высказаться с такой откровенностью? Он отвечает со страхом и скрежетом зубным: «Если мы не хотим потерять окончательное поражение, то мы обязаны в своих же интересах вполне трезво оценивать силы противника. А то, что я пишу, как раз и свидетельствует о его мощи, в которой я сам убедился воочию».

«Контраст между экономическим процветанием и моральным единством района, который я посетил, и коррупцией и хаосом в Сайгоне, где я был свидетелем отчаянных попыток генерала Коллина укрепить Южный Индо-Китай», — вот что приводит в ярость американского журналиста.

Он чувствует, что шуршащие доллары ассигнаций никак не заглушат мощный голос правды!

Б. РОЗАНОВ

Бестселлеры 1954 года

В Соединенных Штатах книга, не принадлежащая к разряду бестселлеров, считается «холодной», если она разошлась в 30 000 или более экземпляров. Очень редко такую книгу покупают больше 100 000 человек, и лишь в самых исключительных случаях — до полумиллиона. Покупатели ее, как правило, — богатые люди и представители интеллигентных профессий: врачи, преподаватели, юристы. Издательское дело — это «большой бизнес», в котором пять-шесть фирм занимают господствующее положение, оказывая, между прочим, решающее влияние и на распространение книг. А за этими фирмами, разумеется, стоит наша финансовая олигархия.

Позтому книги, которые выпускаются и рекламируются крупнейшими издательствами, отмечаются коммерческой прессой, подхватываются радио и телевидением и используются в кино, — это почти без исключения книги, служащие идеологическим целям монополий. В такие годы, как прошедший, 1954, когда силы реакции действовали особенно энергично, связь между изданием книг и целями правящих кругов обнаруживается яснее, чем когда-либо.

Внутри этой основной категории наиболее ходкие книги прошлого года можно разделить на несколько групп. Прежде всего имеется так называемая религиозно-этическая литература. Здесь ларцы полнены поровну между протестантским священником и сановником католической церкви. Первый из них, Норман Винсент Пиа, — автор книги, озаглавленной «Сила позитивного мышления», которая за последние два года разошлась в 800 000 экземпляров; второй — Фолтон Дж. Шин заслужил не меньшую популярность своим сочинением «Жить стоит!».

Эти книги проповедуют покорность, приспособленчество. Говоря словами предло-

во мистера Пиа: «Первое условие для достижения душевного покоя — это научиться освобождать свое сознание от всякого груза». Спрос на эти книги свидетельствует о тревоге и неуверенности, владеющей многими американцами, и о стремлении правящего класса внедрять в стране мистические настроения. Более светским и деловым направлением отличается книга покойного Клода М. Бристольа «Сила, которая в тебе самом», тоже разошедшаяся в сотнях тысяч экземпляров. В этом «труде» «душевный покой» и «спасение души» откровенно определяется, как счет в банке: чем больше вклад, тем человек спокойнее и тем в большей безопасности его душа. Книга Бристольа «учит» читателя, как упряжить волю и вырабатывать решительный характер, чтобы добиться успеха, то есть богатства.

Три книги, тоже напущенные в прошлом году, принадлежат к категории чистой мистики. В одной из них профессор университета рассказывает, как он «открыл» мир телепатии, шестое чувство, сознание, действующее независимо от мира материального. О двух других можно судить по их заглавиям: «Детские блуды из внешнего пространства» и «Детские блуды опустынили на землю». Эти книги непосредственно связаны с оккультнической кампанией (предметы, попадающие к нам с Венеры или с Марса или невесты откуда) и с политической подготовкой войны («детские блуды» попадают в США прямо из Кремля). И включил эти книги в обзор бестселлеристической литературы только потому, что их авторы и издатели специально оговаривают, что это — не бестселлеры.

В третью категорию входят досужие сплетни, очерки, весьма близкие к порнографии, и сенсационные «мемуары». Они

повествуют о «подлинных нравах» высшего общества (как, например, книга о герцоге Виндзорском и его супруге или другая — о приемах у некоей Элизы Максвелл, присяжной разведкательницы богачей) либо о том, как убийца в тюрьме приходит к раскаянию.

Среди наиболее рекламируемых книжек есть и чисто политические. Так, одна агент ФБР, предоставивший и коммунистам, составил по специальному заказу нечто под названием «Я жил тройной жизнью». Этот провокатор получил большие деньги, произведение его передавалось по телевизору (еще несколько тысяч долларов в карман доносчика!), и сам он был принят на работу в Нью-Йоркскую «Геральд трибун». Можно также назвать две книги, прославляющие генерала Макартура и его курс на разжигание новой войны, и хвастливую автобиографию друга фашистов, новоиспеченного генерала Чарльза Линдберга. В течение некоторого времени читателю услаждением назывались также сочинения, в которых описывались деятельность сенатора Макартура и подвергались нападкам не только коммунисты, но и вообще все противники макартизма.

В области истории, экономики и социологии подвизались авторы типа реакционного социолога Невинса. Их «труды», в которых проводится идея американской исключительности, удостоившись широкой рекламы и заслужили похвалы «критиков». Они на все лады расхваляют монополистический капитализм, утверждают, что наша страна — это рай земной, и начисто отрицают существование в США какого бы то ни было правящего класса! Однако, если монополисты правят Америкой, это еще не значит, что они правят, не встречая на свой путь сопротивления, ни протеста. И то, что они захватили в свои руки прессу и печать, не помогло им склонить массы американского народа к поддержке их курса на фашизм и войну.

Книгу, направленную против монополий, и особенно книгу серьезную и принципиальную, у нас сейчас почти невозможно напечатать, а тем более распространить в сотнях тысяч экземпляров. Тем не менее некоторые книги, содержащие критику войны и макартизма, пробиваются сквозь цензуру империалистов. Критика эта незначительно неполноценная, хотя бы потому,

что сами авторы, как правило, выступают против коммунизма. И все же такие книги выражают тревогу за судьбу элементарных буржуазно-демократических идей и ценностей.

Среди немногих книг такого рода, оказавшихся в 1954 году в числе наиболее ходких, — дневник Гарольда Икеса, несколько лет бывшего министром внутренних дел при президенте Рузвельте, и «Моя миссия в Испании» Клода Бауэра, посла США в Испании во время гражданской войны, которую там разожгли фашисты. Обе эти книги, отчетливо антифашистские, являются некоторым контрастом к тому потоку отравы, который льется из «холодных» книг, вдохновленных реакцией.

Как положительное явление можно отметить также «Альманах свободы» Уильяма Дугласа, либерально настроенного члена Верховного суда США (он заслужил известность тем, что высказался против принятия закона Смита и пытался превратить казнь Розенбергов). В своей книге, хотя и не свободной от провинциализма, он ратует за необходимость уберечь в неприкосновенности близость к правам. Радиокомментатор Элмер Дэвис в своей книге «Но мы родились свободными» тоже призывает к борьбе с макартизмом, и книга его имела очень большой успех.

В заключение, однако, нельзя не признать, что в 1954 году реакционные издатели постарались неплохо обслужить американских империалистов на идеологическом фронте. Они навязывали народу книги, которые отражали политику реакции, оккупантизма и войны. Но по мере того, как среди рабочих и всех демократических элементов растет недовольство внутренней и внешней политикой, ведущей к кризису и к войне, крепнет и надежда на то, что политическое положение изменится к лучшему. Как только эта надежда начнет сбываться, как только начнут осуществляться демократические чаяния огромного большинства американского народа, ослабнет и то влияние, которое реакция оказывает на издание книг. И тогда можно надеяться, что в ближайшие годы до американского читателя дойдут новые, более достойные книги.

Герберт ЭПТЕКЕР
американский публицист
НЬЮ-ЙОРК, январь